Н. Кажановъ. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Эскизъ. Съ предисловіемъ профес. А. И. Скворцова.

Цѣна

Н. Кажановъ. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Эскизъ. Съ предисловіемъ профес. А. И. Скворцова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-лит. „Энергія", Загородный, 17.
1907.

Предисловіе.

Авторъ настоящаго „эскиза“ задался цѣлью намѣтить тотъ путь развитія культуры, который приводитъ,—точнѣе говоря, по его мнѣнію долженъ привести современемъ,—къ образованію изъ всѣхъ различныхъ племенъ и народностей, населяющихъ землю, единаго „человѣчества“. Задача, какъ видитъ читатель, очень обширная, требующая изслѣдованія жизни человѣческихъ обществъ чуть не отъ перваго момента появленія человѣка на землѣ до настоящаго времени, и даже установленія характера будущаго развитія современныхъ народовъ, или, скорѣе, всѣхъ обитателей земли. Само собою разумѣется, что уже въ виду обширности задачи читатель не вправѣ ожидать, что лежащая передъ нимъ небольшая книжечка разрѣшаетъ ее полностью. Поэтому авторъ и называетъ свою работу только эскизомъ, имѣя въ виду при болѣе благопріятныхъ для работы жизненныхъ обстоятельствахъ, разработать положенныя въ основу этого „эскиза“ идеи и привести болѣе детальныя доказательства вѣрности своихъ соображеній.

Пишущій эти строки, далеко не считая себя спеціалистомъ и компетентнымъ судьею въ вопросахъ

общей исторіи культуры, позволяетъ себѣ, тѣмъ не менѣе, рекомендовать этотъ трудъ молодого работника на поприщѣ науки вниманію читателей, считая интересной и самую попытку подойти къ рѣшенію поставленной себѣ авторомъ задачи и признавая въ общемъ основную идею автора достаточно обоснованной.

Основную идею своего труда авторъ выражаетъ словами Герберта Спенсера, который, однако, не развилъ этой идеи, а, по мнѣнію автора, только „иллюстрировалъ блестящими аналогіями“.

Гербертъ Спенсеръ выразилъ свою идею такъ: „Промышленная организація общества опредѣляется главнымъ образомъ его неорганическою и органическою средою; — правительственная-же организація опредѣляется главнымъ образомъ его надъ-органическою средою, т. е. дѣятельностями тѣхъ сосѣднихъ съ нимъ обществъ, съ которыми оно ведетъ борьбу за существованіе“. Говоря это, Спенсеръ, конечно, не желалъ сказать, что то, что онъ называетъ „правительственной организаціей“, развивается внѣ всякой зависимости отъ той „неорганической и органической среды“, проще говоря—того, что мы привыкли называть природной обстановкой, въ которой живетъ общество; онъ только подчеркиваетъ, что помимо этой „природы“, не включающей человѣка и человѣческихъ аггрегатовъ, „правительственная“, т. е. для современнаго быта „государственная“ организація опредѣляется еще,—по его мнѣнію даже „главнымъ образомъ“,—столкновеніями съ другими человѣческими группами,—столкновеніями, которыя по необходимости должны возникать въ борьбѣ

за существованіе. Авторъ настоящаго труда, развивая эту идею, приходитъ къ положенію, что каждый историческій періодъ характеризуется своеобразнымъ моментомъ, а вся совокупность народовъ, выступающихъ въ данный періодъ на сцену исторіи, и образующая собою ту надорганическую среду „въ которой живетъ каждый изъ этихъ народовъ,—эта совокупность, взаимодѣйствіемъ составляющихъ ее народовъ создавшая такой моментъ,—является носительницей опредѣленной формы цивилизаціи, характеризуемой именно указаннымъ моментомъ."

Замѣчу сейчасъ же, что и эта идея по существу выражалась многими историками культуры, какъ видно уже изъ сдѣлавшихся обычными терминовъ „восточно-азіатская культура," „греко-римская культура" и т. д. Только эти термины или совсѣмъ не опредѣлялись ближе, или, какъ вѣрно указываетъ г. Кажановъ, характеризовались слишкомъ грубо и поверхностно; и, что еще болѣе важно, не устанавливалась та общая идея, которая связываетъ культуры различныхъ народовъ, объединяя ихъ въ нѣчто общее, что мы разумѣемъ подъ именемъ „формы цивилизаціи". Авторъ пытается затѣмъ указать и тѣ общія идеи, объединяющія различныя „формы цивилизаци", усматривая аналогіи въ тѣхъ формахъ общественности, которыя слагаются въ различныхъ случаяхъ и характеризуютъ собою отдѣльныя „формы цивилизаціи".

Изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ, смѣнявшихъ одна другую послѣдовательно „формъ цивилизацій" можно вывести, вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти „формы" предста-

вляютъ послѣдовательные этапы развитія цивилизаціи вообще. Конечную-же причину этаго движенія впередъ, авторъ усматриваетъ въ усиленіи мирныхъ сношеній отдѣльныхъ группъ человѣчества.

Эта часть работы автора является наиболѣе интересной и, можетъ быть, наиболѣе оригинальной частью его труда. Изъ всего хода разсужденій автора ясно, что этотъ путь развитія является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, съ одной стороны, тѣхъ естественныхъ условій въ которыхъ развивалась каждая отдѣльная группа, а съ другой—тѣхъ столкновеній, которыя возникаютъ между ними при встрѣчѣ на міровой сценѣ. Въ первые періоды жизни человѣческихъ обществъ взаимныя вліяній ихъ другъ на друга проявлялись въ видѣ покоренія или разрушенія, вообще въ видѣ воздѣйствія грубой силы—насилія, позднѣе-же путемъ мирнаго „взаимообмѣна“. Такой взаимообмѣнъ дѣлается, конечно, возможнымъ только тогда, когда внутри каждой отдѣльной группы, государства, раздѣленіе труда и производственныхъ функцій достигнетъ значительнаго развитія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ экономическія группы въ извѣстной мѣрѣ специализируются каждая въ своей области. При такой спеціализаціи каждая группа, въ зависимости (отчасти, по крайней мѣрѣ) отъ географическихъ условій даннаго государства, обусловливающихъ характеръ неорганическо-органической среды его, будутъ изготовлять предметы, отличающіеся отъ производимыхъ въ другомъ государствѣ. Словомъ, въ конечной стадіи развитія возникаетъ раздѣленіе труда не только между индивидуумами данной, объединенной въ

одно цѣлое общей государственной властью, территоріи, но и между различными государствами, и мы имѣемъ то явленіе, которое именуется международнымъ раздѣленіемъ труда.

Но прежде чѣмъ человѣчество достигло этой стадіи развитія, вліяніе взаимообмѣна и представителей его въ обществѣ,—торговаго класса, проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и авторъ пытается выяснить связь той или другой формы обмѣна съ той формой цивилизаціи, которая господствовала въ данный періодъ, и вліяніе характера обмѣна на сложеніе тѣхъ группъ, которыя онъ называетъ «хозяйственными» группами даннаго общества.

Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ возможности достаточно полно прослѣдить развитіе этихъ отношеній и въ этомъ смыслѣ его трудъ даетъ намъ болѣе всего для древнихъ цивилизацій, до римской включительно; для средневѣковыхъ и позднѣйшихъ временъ авторъ, можно сказать, даетъ только отдѣльные штрихи, почти намеки. Какъ указываетъ и самъ авторъ въ предисловіи, для него было очень трудно добывать матеріалы, такъ какъ библіотека Новоалександрійскаго Института, по понятнымъ причинамъ, не богата нужными для его цѣлей сочиненіями. Но пишущій эти строки можетъ засвидѣтельствовать, что авторъ стремился сдѣлать все, доступное ему въ этомъ отношеніи, и не остановился даже передъ трудностью поѣздки въ Петербургъ ради пользованія Императорской Публичной Библіотекой. Къ сожалѣнію, этотъ источникъ не

могъ быть достаточно использованъ имъ въ виду срочныхъ работъ и другихъ обстоятельствъ.

Конечно, можно указать и другіе дефекты въ работѣ автора. Но, ни чуть не закрывая глаза на таковые, я полагаю, все-же, что эта работа даетъ намъ основаніе разсчитывать, что при благопріятныхъ условіяхъ автору удастся освѣтить затронутый въ настоящемъ трудѣ вопросъ съ новой, оригинальной точки зрѣнія.

Въ качествѣ первой попытки осуществить эту идею мы и считаемъ возможнымъ рекомендовать читателю лежащую передъ нимъ книгу.

Ново-Александрія.

А. Скворцовъ.

ОТЪ АВТОРА.

Данная работа возникла, ближайшимъ образомъ, какъ введеніе къ анализу частнаго вопроса современной экономической дѣйствительности. Въ виду этого, а также потому, что авторъ ея не располагалъ въ свое время достаточнымъ литературнымъ матеріаломъ, отчасти же потому, что онъ не могъ удѣлить ей больше времени и въ силу многихъ другихъ обстоятельствъ,— она носитъ характеръ эскиза.

Авторъ сознаетъ—больше того—чувствуетъ всю громадность, сложность затронутаго имъ вопроса, но онъ и не собирается дать здѣсь всесторонняго, исчерпывающаго освѣщенія его. Онъ пытается только на общемъ фонѣ соціально-хозяйственной эволюціи человѣчества нѣсколькими штрихами очертить контуры смѣнившихъ одна другую великихъ цивилизацій.

Такъ же, собственно, разсматриваетъ онъ и современную намъ цивилизацію. Онъ не останавливается на роли отдѣльныхъ народовъ, принявшихъ участіе въ послѣдней, поэтому не говоритъ и о Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далеко не склоненъ видѣть въ современной цивилизаціи что-то вполнѣ законченное, въ смыслѣ формы, неизмѣнное во времени и простран-

ствѣ, независимое отъ индивидуальности ея элементовъ. Каждый новый народъ, вложившій въ современную цивилизацію свою долю творчества, выступалъ по очереди на передовыя ея позиціи, являлся въ свое время центромъ этой цивилизаціи. Россія до сихъ поръ скорѣе пассивно слѣдовала за другими народами, но въ дальнѣйшемъ, можетъ быть, и ей предстоитъ сказать свое слово, внести свою долю творчества въ общечеловѣческую культуру.

То, что могъ пока авторъ сдѣлать, что былъ въ силахъ дать, онъ и предлагаетъ благосклонному вниманію читателя. Онъ знаетъ недостатки своей работы, но всетаки рѣшается выпустить ее въ свѣтъ такою, какою она родилась; сейчасъ онъ не въ состояніи удѣлить ей больше силъ.

Авторъ чувствовалъ бы себя неудовлетвореннымъ, еслибы не выразилъ здѣсь своей искренней глубокой благодарности профессору Александру Ивановичу Скворцову, совѣты, указанія и вообще близкое содѣйствіе котораго, много помогли ему въ его работѣ.

Онъ горячо благодаренъ также А. И. Жуковой за ея добрую помощь въ дѣлѣ изданія работы.

Н. К.

Ново-Александрія
Январь 1907 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

Мы привыкли говорить „Человѣкъ“, „человѣчество“, но обыкновенно выпускаемъ изъ виду, что о человѣчествѣ „какъ цѣломъ“ нельзя, въ точномъ смыслѣ слова, говорить еще и въ наше время.

Этнологи, этнографы, историки культуръ, описывая отдѣльныя племена и народы разныхъ частей Стараго и Новаго Свѣта, указываютъ много общихъ, часто поразительно сходныхъ чертъ ихъ быта, нравовъ, учрежденій. Но всѣ собранные матеріалы, всѣ работы этихъ изслѣдователей даютъ въ лучшемъ случаѣ не болѣе того, что даютъ намъ матеріалы, собранные и обработанные натуралистами: они позволяютъ, на основаніи тѣхъ или иныхъ признаковъ, систематизировать племена, соединять ихъ въ расы и т. д. „Человѣчество“ здѣсь является передъ нами только, какъ систематическая группа „Homo sapiens“, включающая тѣ или иныя подгруппы съ дальнѣйшими ихъ подраздѣленіями.

Тѣ соотношенія, та связь, которую натуралистъ видитъ между семействомъ, родомъ, видомъ, разновидностью растительнаго или животнаго міра, могутъ быть распространены въ этомъ случаѣ и на человѣка.

Разница только та, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ индивидуальностями высшаго порядка—соціальными единицами. „Топинаръ, напримѣръ, видитъ между человѣческими расами такія же различія, которыя находятъ между отдѣльными видами животныхъ, другіе—даже между отдѣльными ихъ родами.“ [1])

Натуралистическое пониманіе въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ приложимо къ межплеменной жизни первобытнаго человѣка и къ дикимъ племенамъ историческаго періода. Каждое отдѣльное племя, народъ, на этой ступени развитія, такъ же, какъ и особь растительнаго или животнаго міра, представляетъ изъ себя нѣчто замкнутое относительно другихъ; всѣ другія для него—только внѣшнее явленіе, съ которымъ такъ или иначе приходится считаться: подчинить его себѣ или подчиниться ему, уничтожить его индивидуальное существованіе или быть уничтожену самому.

Но указанное выше пониманіе приложимо отчасти и къ жизни цивилизованныхъ народовъ даже недавняго прошлаго. Такъ, мы знаемъ, что „мирныя международныя сношенія, въ которыя Римъ вынужденъ былъ вступать, они (римляне) признавали нарушеніемъ законнаго порядка отношеній.“ [2])

Переносясь мыслью въ густой полумракъ зарожденія великихъ восточныхъ цивилизацій и направляясь дальше къ границѣ между временемъ исторической жизни человѣка и временемъ, измѣряемымъ смѣ-

[1]) Л. Винярскій. Антропо-Соціологія. Научн. Обозр. 900 г. I.

[2]) Проф. Ф. Ф. Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ.

ною фауны и флоры, смѣною геологическихъ формацій,—мы и здѣсь уже встрѣчаемъ человѣка, соединеннымъ, среди остального міра жизни, въ тѣ или другія группы: роды, племена, орды.

Если хозяйственную дѣятельность человѣка мы усматриваемъ въ отношеніи его, какъ коллективной единицы, къ природѣ, отношеніи на почвѣ борьбы за существованіе,—то и здѣсь, въ этотъ первобытный періодъ жизни человѣка, надо полагать, имѣютъ мѣсто зачатки такой дѣятельности. Правда, трудно говорить еще объ опредѣленныхъ формахъ ея; но, во всякомъ случаѣ, въ индивидуальные способы добыванія средствъ существованія соціальная среда привнесла тѣ или иныя черты, которыя и придаютъ дѣятельности характеръ „хозяйственной“.

Для каждаго племени, вошедшаго позднѣе въ составъ сложныхъ цивилизованныхъ народовъ, устанавливаютъ болѣе или менѣе точно колыбель его рожденія, гдѣ оно намѣчалось уже какъ охотничье, пастушеское или земледѣльческое. Конечно, такого рода опредѣленія племенъ, подраздѣленіе ихъ, до извѣстной степени искусственны; но искусственны вѣдь и всякія вообще разграниченія, классификаціи явленій, говорящія скорѣе о недостаточномъ еще проникновеніи въ нихъ человѣческой мысли. Классификація явленій—рабочая гипотеза, ступень приближенія къ познанію міра.

Понятія: „охотничье“ племя, „пастушеское“,—помимо условности границъ и разнообразія сочетаній дѣятельности человѣка,—соединяютъ въ себѣ два разнородныхъ въ основаніи элемента, а именно: жизнь

племени, характеризующуюся средою неорганической и органической (по терминологіи Спенсера), и жизнь племени, въ смыслѣ внутренняго созданія среды надъ-органической, соціальной.

Первый элементъ (неорганически—органическій) для соціологіи и экономики является скорѣе качественнымъ и выражается въ томъ, за чѣмъ, напримѣръ, охотится человѣкъ: за птицею, звѣремъ или пресмыкающимся, ловитъ ли рыбу, собираетъ ли готовые растительные продукты. Второй элементъ (надъ-органическій) является въ извѣстномъ смыслѣ—количественнымъ, опредѣляется степенью взаимодѣйствія, которое устанавливается между членами отдѣльной замкнутой группы въ моментѣ совмѣстной борьбы ихъ за существованіе и находитъ себѣ реальное выраженіе въ томъ, напримѣръ, какъ человѣкъ охотится: окружаетъ ли онъ дикую козу всѣмъ племенемъ и убиваетъ дубиной, или пользуется для ловли ея особыми, болѣе или менѣе естественными и искусственными загонами, или, можетъ быть, настигаетъ ее стрѣлой и т. д.

Во всякомъ случаѣ, мы условно будемъ пользоваться упомянутыми опредѣленіями племенъ: „охотничье“, „пастушеское“ и т. д. Опредѣленія эти удобны, такъ какъ въ нихъ подчеркивается, какъ характерный преобладающій моментъ, элементъ неорганической и органической среды, географическій элементъ, который въ жизни первобытнаго человѣка играетъ главную роль.

Первобытный человѣкъ, надо думать, ближе сростался съ тѣмъ уголкомъ земли, на которомъ обиталъ,

ближе опредѣлялся мѣстными естественно-историческими условіями, и,—въ связи съ этимъ,—различіе отдѣльныхъ племенъ, удаленныхъ одно отъ другого территоріально, было вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіемъ различія соотвѣтствующей географической обстановки, отпечатывавшейся въ человѣкѣ различіемъ роста, строенія черепа, цвѣта кожи, волосъ, различіемъ темперамента и т. д. „Человѣкъ не только живетъ на землѣ: онъ и происходитъ изъ нея; онъ сынъ земли, какъ говорятъ миѳологи всѣхъ народовъ. Мы—организованная пыль, вода и воздухъ; развились ли мы на илистой почвѣ Нила, произошли ли мы изъ обломковъ дуба, образовались ли изъ красной земли Эфрата или изъ священныхъ наносовъ Ганга,—мы, подобно деревьямъ лѣсовъ и тростникамъ рѣкъ, дѣти „благодѣтельной матери“ земли. Изъ нея мы извлекаемъ вещества, составляющія наше тѣло; она поддерживаетъ насъ своими питательными соками, доставляетъ воздухъ нашимъ легкимъ и даетъ намъ „жизнь, движеніе и бытіе“; невозможно, поэтому, чтобы формы земли, съ которыми такъ удивительно гармонируетъ флора и фауна, не отражались и на жизненныхъ явленіяхъ той части этой фауны, которую называютъ человѣчествомъ“ [1]). Всякій народъ, сказалъ А. Гумбольтъ, носитъ на себѣ ливрею обитаемой имъ страны. „Расовыя особенности, говоритъ Ю. Липпертъ [2]), чаще всего являются результатомъ разнообразія въ тѣхъ средствахъ, которыя природа давала отдѣльнымъ группамъ

[1]) Э. Реклю. Земля.

[2]) Ю. Липпертъ. Исторія культуры.

людей, стремившимся къ одной и той же цѣли: поддержанію жизни".

Но къ чисто гео-этнографическимъ различіямъ отдѣльныхъ территоріально своеобразныхъ племенъ необходимо присоединить, конечно, и различія племенъ и народовъ въ состояніи ихъ надъ-органическаго бытія или, какъ говорятъ, различія въ степени культуры.

Противостоя природѣ, какъ коллективное цѣлое, пара, семья, родъ и т. д. противополагаетъ ей соединенный трудъ,—„просто соединенный", т. е. увеличенный только количественно, соотвѣтственно числу особей (что, кстати сказать, не является привилегіей человѣка, а играетъ замѣтную роль и въ жизни животныхъ [1]), или-же — трудъ, соединенный въ своемъ раздѣленіи.

Послѣдняя форма соединенія труда особенно важна, особенно будетъ насъ интересовать, такъ какъ въ вопросѣ соціальной структуры является „чистымъ" элементомъ надъ-органической жизни, показателемъ степени взаимодѣйствія членовъ той или другой группы.

Этотъ элементъ съ большимъ успѣхомъ примѣняется нѣкоторыми соціологами и экономистами, какъ классификаціонный признакъ, какъ признакъ опредѣленія ступеней соціально-хозяйственной эволюціи человѣка.

Намъ онъ важенъ не для классификаціи, а какъ элементъ, непрерывно проникающій все дальше и дальше въ соціально-хозяйственную жизнь человѣка отъ зачатковъ надъ-органической жизни земли до нашего

---

[1]) См. Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ.

ць—вплоть до мыслимаго завершенія ь, близко связанный со многими сто- я; намъ важенъ онъ, какъ непрерывно я начало, какъ непрерывное развитіе свое выраженіе и въ „онто“ и въ человѣчества [1]). „Раздѣленіе труда,— нтъ, [2])—самое существенное условіе изни, лишь бы только понять его въ ьхъ нашихъ разнообразныхъ операцій“. авитъ вопросъ о немъ во главу угла аній.

зъ нашего времени Г. Зиммель [3]) далъ умозрительный анализъ идеи раздѣ- конкретное содержаніе исторіи, не рамками ея, тяготѣло надъ нимъ и о стройность, цѣльность его системы. , наоборотъ, пытается исходить, такъ кта“. Признавая за основное правило оціальныя явленія „нужно разсматри- еты“, [4]) онъ считаетъ, что для объек- я раздѣленія труда „мало развить содер- оую мы себѣ составляемъ о немъ; надо имъ, какъ съ объективнымъ фактомъ,

ілогенезисъ“ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ іонятія Гельвальдъ (Исторія культуры), т. е. индивидуума и общества, а въ смыслѣ эво- рода и непрерывной эволюціи человѣчества.
урсъ позитивной философіи.
Соціальная дифференціація.
ь. Методъ Соціологіи.

наблюдать, сравнивать, и мы увидимъ, что результатъ этихъ наблюденій часто расходится съ тѣмъ, который намъ внушаетъ внутреннее чувство" [1]). Но его обобщенія не заходятъ, собственно, дальше аналогій Спенсера, и всю схему онъ строитъ на юридическомъ принципѣ. Прогрессивнымъ ростомъ „кооперативнаго" права, взамѣнъ „репрессивнаго", онъ характеризуетъ ростъ раздѣленія труда.

Въ своей попыткѣ проникнуть мыслью въ глубины соціальнаго бытія человѣка мы широко пользуемся анализомъ роста раздѣленія труда, но, въ противоположность Зиммелю и нѣкоторымъ другимъ авторамъ, не считаемъ возможнымъ этимъ только анализомъ исчерпать всю сложность таковаго.

Замѣтимъ, между прочимъ, здѣсь, что явленіе кастоваго, классоваго строя цивилизованныхъ народовъ, которое часто понимается, какъ одна изъ формъ общественнаго раздѣленія труда (такъ понимаетъ и Г. Зиммель), мы относимъ къ явленіямъ другого порядка.

„Недифференцированное сосуществованіе порождаетъ враждебное соисканіе одного и того же объекта желаній, стремленій и потребностей, между тѣмъ, какъ, при полной специализаціи внутри круга, совмѣстная жизнь и дѣятельность только и становятся возможными" [2]). Дѣйствительно, у самыхъ первобытныхъ племенъ, при всей упрощенности формъ сосуществованія въ нихъ отдѣльныхъ членовъ, культуръ-историки находятъ зачатки раздѣленія труда.

---

[1]) Э. Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда.

[2]) Г. Зиммель. Социальная дифференціація.

Сложность формъ раздѣленія труда часто опредѣдѣляютъ градаціями: полъ, семья, родъ, племя... Но эти градаціи не вполнѣ совпадаютъ съ ростомъ раздѣленія труда и потому не могутъ считаться точнымъ признакомъ его. Образованіе конгломерата въ формѣ рода, племени, стоящее обыкновенно въ связи съ возникновеніемъ главенства, обособленіемъ званія вождя мы, согласно со Спенсеромъ [1]), считаемъ обусловливающимся внѣшнимъ столкновеніемъ отдѣльныхъ группъ, т. е. той внѣшней надъ-органической средой, съ которой приходится имѣть дѣло группѣ.

Какую бы простую форму раздѣленія труда мы ни разсматривали, ее нельзя мыслить внѣ соотвѣтствующаго распредѣленія продуктовъ труда, т. е. внѣ обмѣна этими продуктами (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова „обмѣна"). Но всякій продуктъ, поскольку онъ созданъ приложеніемъ труда къ внѣшней природѣ въ соціальной обстановкѣ, несетъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго психологическаго момента индивидуума. Индивидуумъ въ немъ такъ или иначе невольно реализуетъ свой внутренній міръ или, какъ говорятъ, вкладываетъ въ него свою идею. Чтобы продуктъ былъ принятъ другимъ, понятъ имъ, необходимо какое-то внутреннее, можетъ быть, сверхъ-сознательное взаимное пониманіе, индивидуумовъ.

Изъ этого уже само собою приходится заключить, что, въ связи съ раздѣленіемъ труда, обмѣномъ его продуктами, стоитъ нѣкоторая общность внутренняго

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія соціологіи.

міра жизни цѣлой группы, охваченной взаимнымъ раздѣленіемъ труда; общность, реализующаяся также соотвѣтствующимъ вѣрованіемъ, обычаемъ, правиломъ; общность, находящая себѣ своеобразное выраженіе въ созданіи орудій труда, т. е. въ техникѣ. О послѣдней E. Herrmann [1]) говоритъ даже какъ о моментѣ, закрѣпляющемъ раздѣленіе труда.

Позже мы подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ, сейчасъ же подчеркнемъ, что съ такой только точки зрѣнія понятенъ глубокій смыслъ словъ Маркса: „Остатки древнихъ орудій труда имѣютъ для изученія исчезнувшихъ общественно-экономическихъ формацій такое же важное значеніе, какъ строеніе ископаемыхъ костей для изученія организаціи исчезнувшихъ животныхъ видовъ." [2]) Съ этой же точки зрѣнія понятна вся основательность и плодотворность метода анализа общественно-экономическихъ явленій, примѣненнаго профессоромъ А. И. Скворцовымъ [3]) къ изслѣдованію вліянія парового транспорта на сельское хозяйство.

Теоретически непрерывный ростъ раздѣленія труда можно представить себѣ въ формѣ разростающихся концентрически круговъ, круговъ и въ смыслѣ охватываемой имъ массы индивидуумовъ и въ смыслѣ территоріи. „Соціальные интересы окружаютъ насъ, такъ сказать, концентрическими кругами: чѣмъ тѣснѣе они

---

[1]) E. Herrmann. Technische Fragen und Probleme der modernen Volkswirthschaft.

[2]) К. Марксъ. Капиталъ I томъ.

[3]) А. Скворцовъ. Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство.

насъ облегаютъ, тѣмъ незначительнѣе должны они быть сами по себѣ." [1]) „Раздѣленіе труда прогрессируетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе имѣется индивидовъ, которые находятся въ достаточномъ соприкосновеніи и въ состояніи дѣйствовать и воздѣйствовать другъ на друга." [2]) „Дѣленіе исторіи экономическаго развитія на періоды можно основывать въ конечномъ анализѣ на послѣдовательномъ развитіи обращенія (слѣдовательно и раздѣленіи труда. Н. К.), которое бываетъ мѣстнымъ, областнымъ, національнымъ, международнымъ, междуматериковымъ и всемірнымъ." [3])

Отношеніе къ природѣ черезъ посредство соотвѣтствующихъ орудій, отношенія,—въ которыя вступаетъ трудъ на той или другой ступени своего раздѣленія,— т. е. формы приложенія труда опредѣляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ступень соціально-хозяйственной жизни человѣка.

Чѣмъ благопріятнѣе для существованія человѣка неорганическая и органическая среда (что, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, зависитъ также и отъ плотности населенія), чѣмъ проще борьба за существованіе, тѣмъ болѣе низкая степень раздѣленія труда обезпечиваетъ это существованіе, тѣмъ болѣе низкая ступень хозяйственной дѣятельности удовлетворяетъ запросы человѣка. Всякое измѣненіе указанной выше среды должно вызывать измѣненія въ способахъ борьбы за суще-

---

[1]) Г. Зиммель. Соціальная дифференціація.

[2]) Э. Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда.

[3]) Гильомъ де-Грееfъ. Соціальная экономія, предметъ ея, методъ и исторія.

ствованіе человѣка, а, слѣдовательно, и въ степени раздѣленія труда.

Простое численное размноженіе человѣка, какъ и размноженіе другихъ представителей органическаго міра земли, надо считать способомъ борьбы за существованіе среди остального міра, способомъ сохраненія соотвѣтствующей формы, покоящейся на инерціи формы, консерватизмѣ природы въ ея органическихъ формахъ.

Вступленіе человѣка на путь соціальной жизни, объединеніе отдѣльныхъ индивидуумовъ взаимнымъ раздѣленіемъ труда въ соціально-хозяйственную единицу—знаменуетъ собою возникновеніе надъ-органической жизни природы, надъ-органической ея формы. Моментомъ связи этой послѣдней съ неорганическимъ и органическимъ міромъ является хозяйственная дѣятельность человѣка. Стремленіе сложившейся единицы—„хозяйственной группы“ сохранить свое существованіе, свою форму, т. е. стремленіе остаться на данной ступени соціально-хозяйственнаго быта—и есть тотъ хозяйственный консерватизмъ группы, въ противовѣсъ которому выступаетъ консерватизмъ природы въ ея неорганическихъ и органическихъ формахъ,—консерватизмъ, проявляющійся для человѣка прежде всего въ простомъ численномъ размноженіи его самого.

Если мы представимъ себѣ остальной органическій и неорганическій міръ, окружающій человѣка, неизмѣннымъ, то размноженіе человѣка въ извѣстномъ времени и пространствѣ какъ бы „ухудшаетъ“ органическую и неорганическую обстановку его, ухудшаетъ именно

въ смыслѣ простоты добыванія средствъ существованія, что и вызываетъ необходимость болѣе производительной хозяйственной дѣятельности его. Но численное размноженіе человѣка, какъ мы уже сказали,—процессъ органической жизни, явленіе связанное съ борьбою за сохраненіе соотвѣтствующей органической формы, т. е. размноженіе человѣка это измѣненіе органической среды. Хозяйственная дѣятельность человѣка—явленіе надъ-органической жизни. Стремленіе „хозяйственной группы" остаться на той же ступени своего быта сталкивается съ размноженіемъ человѣка,—стремленіемъ его сохранить себя, какъ органическую только форму среди остальнаго міра.

Здѣсь какъ бы сталкиваются, борются между собою человѣкъ, такъ сказать, органическій съ человѣкомъ надъ-органическимъ, т. е., въ извѣстномъ смыслѣ,— человѣкъ самъ съ собой.

На почвѣ этой борьбы „человѣка" съ „природой" [1]) зиждется, между прочимъ, прогрессъ надъ-органической формы природы, соціальной единицы, „хозяйственной группы",— прогрессъ, выражающійся: увеличеніемъ числа связанныхъ между собою взаимнымъ раздѣленіемъ труда членовъ группы, качественнымъ упрощеніемъ, соотвѣтственно этому, труда каждаго члена, проникновеніемъ въ жизнь человѣка все болѣе и болѣе сложныхъ орудій труда.

Но консерватизмъ группы, т. е. стремленіе ея

---

[1]) Грань между „человѣкомъ" и „природой", какъ видитъ читатель, мы проводимъ только условно,— въ смыслѣ началъ неорганически-органическаго и надъ-органическаго.

остаться на той же ступени соціально-хозяйственнаго быта, можетъ найти себѣ и иной исходъ: исходъ въ отысканіи новой, болѣе благопріятной неорганической и органической среды или въ захватѣ готовыхъ продуктовъ труда другой группы, что создаетъ извѣстный динамическій моментъ, проявляющійся въ территоріальномъ передвиженіи группы и въ столкновеніи ея съ подобными встрѣчными группами, хотя бы для того только, чтобы вытѣснить таковыя съ занятой ими территоріи и воспользоваться лучшими условіями природы.

Съ этой стороны подходитъ къ вопросу, между прочимъ: М. М. Ковалевскій, А. Лоріа и Г. І. Нибуръ. М. М. Ковалевскій, признавая важнѣйшимъ факторомъ эволюціи хозяйственныхъ формъ—плотность населенія, говоритъ: „Еще Либихомъ высчитано приблизительно, какое пространство земли необходимо для удовлетворенія потребностей охотничьей семьи. При возрастающей густотѣ населенія эта пропорція нарушается и нѣтъ возможности обойтись безъ перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства“. [1]) М. М. Ковалевскій принимаетъ „землю“, какъ вполнѣ опредѣленный постоянный факторъ, тогда какъ на одной и той же площади,—въ зависимости отъ разности естественно-историческихъ условій, при одной и той же системѣ хозяйства,—можетъ существовать разное количество населенія. Сравнимъ, напримѣръ, бѣдную степь среднихъ широтъ и пышную тропическую приро-

---

[1]) М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства.

ду. Однимъ словомъ, относительная плотность населенія—очень неопредѣленное, растяжимое понятіе, само по себѣ ничего еще не говорящее объ интенсивности формы хозяйства.

А. Лоріа центръ тяжести измѣненія формъ хозяйства переноситъ на ограниченность территоріи и эволюцію таковыхъ связываетъ съ постепеннымъ уничтоженіемъ свободныхъ для занятія земель. Но А. Лоріа принимаетъ за основной признакъ формъ хозяйства, мало въ этомъ отношеніи говорящій признакъ; онъ ихъ характеризуетъ, какъ хозяйство: рабское, крѣпостное и вольнонаемное.

Г. І. Нибуръ,—принимая то же опредѣленіе формъ хозяйства, что и Лоріа,—пытается расширить понятіе основного, по его мнѣнію фактора эволюціи формъ: онъ говоритъ вообще о „закрытыхъ и открытыхъ средствахъ существованія" у разныхъ народовъ. „Рабство, какъ система хозяйства, обыкновенно не существуетъ тамъ,—говоритъ Нибуръ, [1])—гдѣ существованіе зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ ограниченномъ количествѣ". Если же таковыя средства еще „открыты", не аппропріированы, если поэтому есть возможность каждому работать самостоятельно,—заставить другого работать на себя можно только силою, т. е. путемъ учрежденія рабства или крѣпостной зависимости.

Цѣликомъ принять объясненіе эволюціи формъ хозяйства какого-либо изъ названныхъ авторовъ мы, конечно, не можемъ уже потому, что иначе понимаемъ

---

[1]) Г. І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства.

формы хозяйства. Изслѣдователи, опредѣляющіе формы хозяйства степенью принудительности труда, придаютъ въ этомъ отношеніи слишкомъ большое значеніе институтамъ рабства и крѣпостного права, отводятъ имъ мѣсто большее, чѣмъ на самомъ дѣлѣ они занимали у соотвѣтствующихъ народовъ. Это указали уже нѣкоторые авторы, въ томъ числѣ и Эдуардъ Майеръ. [1]) Но, самое главное, это—то, что они характеризуютъ формы хозяйства не столько хозяйственнымъ, сколько государственно-правовымъ признакомъ.

Итакъ, хозяйственный консерватизмъ группы можетъ найти себѣ временный исходъ въ насильственномъ захватѣ продуктовъ труда другой группы или въ отысканіи лучшихъ условій неорганическо-органической среды, связанномъ съ территоріальнымъ передвиженіемъ группы. Къ сказанному уже о территоріальномъ передвиженіи необходимо добавить еще одинъ моментъ чисто географическаго характера: то,—что называемъ мы темпераментомъ племени, интенсивностью его органической жизни. При прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, для племени,—отличающагося болѣе живымъ темпераментомъ, интенсивнѣе живущаго органической жизнью,—чувствительнѣе будетъ переходъ къ другимъ высшимъ формамъ хозяйства. Такое племя будетъ болѣе склонно къ передвиженіямъ, къ поискамъ лучшихъ благопріятныхъ условій природы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе воинственно; въ поискахъ лучшихъ естественныхъ условій оно будетъ чаще прибѣгать къ войнѣ съ другими группами.

---

[1]) Э. Майеръ. Рабство въ древности.

Нѣсколькими чертами мы намѣтили внутреннiе моменты территорiальнаго передвиженiя группъ. Внѣшняя обстановка первобытной жизни также предоставляетъ этому передвиженiю большой просторъ. И вотъ, съ самыхъ глубокихъ доисторическихъ временъ и до нашей эры, мы видимъ на всемъ пространствѣ, занятомъ человѣкомъ, двигающiеся по разнымъ направленiямъ, сталкивающiеся между собою, осѣдающiе и снова куда-то идущiе племена и народы.

Относительно двигающейся группы, внѣшняя среда по измѣненiямъ, которыя вноситъ измѣняющаяся же среда во внутреннюю жизнь группы, рѣзко распадается на неорганическо-органическую и надъ-органическую. Измѣненiе первой при передвиженiи группы, обычно въ сторону благопрiятную, выразится только въ томъ, что данная группа,—оставаясь на той же ступени хозяйственнаго развитiя, не усложняясь въ раздѣленiи труда, не измѣняя прогрессивно технику,—можетъ еще нѣкоторое время сохранить свое существованiе, при условiяхъ только нѣкоторыхъ—чисто качественныхъ измѣненiй послѣдней, которыя опредѣляются качественными отличiями фауны и флоры новаго мѣста жительства, сравнительно съ фауной и флорой прежняго обитанiя. Столкновенiя же группы со средою надъ-органическою вносятъ очень сложныя своеобразныя измѣненiя, на которыхъ мы нѣсколько и остановимся сейчасъ.

При встрѣчѣ на своемъ пути (мы, именно, говоримъ о группѣ въ состоянiи ея передвиженiя) другой группы,

первой группѣ предстоитъ или пройти мимо и искать дальше лучшихъ мѣстъ, или же вытѣснить занимающую данную территорію группу, что можетъ выразиться даже простымъ уничтоженіемъ послѣдней. Здѣсь начало столкновенія группъ, племенъ, народовъ, расъ.

Въ этихъ столкновеніяхъ одна группа противостоитъ другой какъ сила,—сила, опредѣляющаяся главнымъ образомъ числомъ членовъ. Если считать сраженіе, войну „трудомъ“ своего рода, то во всякомъ случаѣ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „простымъ“ соединеніемъ труда, о которомъ упоминали раньше и которое имѣетъ широкое распространеніе также среди животнаго міра (стая—орда).

Такое (простое) соединеніе противоположно сложному соединенію (связанному съ раздѣленіемъ труда) и даже до извѣстной степени исключаетъ его, такъ какъ требуетъ однообразія дѣйствій отдѣльныхъ членовъ. „Всѣ—какъ одинъ!“—вотъ лозунгъ сраженія.

Такимъ образомъ, во внутреннюю жизнь группы, связанной только взаимнымъ раздѣленіемъ труда, вносится на почвѣ этихъ столкновеній новый элементъ,—объединеніе, выражающееся простымъ численнымъ сплоченіемъ силы [1]), простымъ сочетаніемъ силъ отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Тогда какъ сложное соединеніе труда не стоитъ въ необходимой зависимости отъ родственной близости индивидуумовъ группы, объединенной раздѣленіемъ

[1]) Мы не отрицаемъ, что такое соединеніе можетъ быть вызвано и необходимостью защиты, напримѣръ, отъ крупнаго звѣря и т. д., но это—частное явленіе.

труда, не требуетъ особенно быстраго возрастанія числа членовъ ея,—взаимная охрана безопасности, защита отъ врага какъ-то больше понятна кровно-связаннымъ между собою. (Здѣсь вѣдь кровь и проливается). Въ моментѣ такой борьбы на первый планъ выступаетъ вопросъ органической жизни, вопросъ сохраненія органической формы, органическій консерватизмъ человѣка.

Итакъ, враждебныя столкновенія отдѣльныхъ группъ между собою вызываютъ расширеніе этихъ группъ за границы связи, покоющейся на взаимномъ раздѣленіи труда, за границы числа членовъ, которое опредѣляется таковымъ раздѣленіемъ; расширеніе въ счетъ близкихъ родственно членовъ, близкихъгруппъ. Возникаетъ, слѣдовательно, необходимость опредѣленія для группы родства членовъ ея между собою. Такую усложнившуюся группу условимся называть „родственной группой", ту же, о которой мы говорили раньше,—„хозяйственной".

Въ тѣ отдаленныя первобытныя времена, когда встрѣчи и столкновенія отдѣльныхъ группъ бывали рѣдки, носили случайный характеръ,—образованіе „родственныхъ группъ" было также случайно, временно.

Когда наступалъ продолжительный періодъ покоя, можно допустить, что эти временно образовавшіяся „родственныя группы" даже распадались на свои элементарныя составныя части: „хозяйственныя группы", изъ которыхъ болѣе усидчивыя оставались на мѣстѣ, а тѣ, которыя труднѣе поддавались наступавшей снова необходимости измѣненія хозяйственныхъ формъ, отправлялись искать лучшихъ природныхъ условій или,—

разъ таковыхъ не находилось,—искать добычи въ видѣ продуктовъ труда другихъ группъ, т. е. давали другой, болѣе простой исходъ своему хозяйственному консерватизму.

При такой неустойчивости для этого періода „родственныхъ группъ", признакъ родства долженъ былъ быть простымъ, легко устанавливаемымъ, а именно: происхожденіе отъ одной матери. Это—тотъ періодъ, о которомъ изслѣдователи первобытнаго общества говорятъ, какъ о періодѣ матріархата.

Единство „хозяйственной группы", покоющееся на раздѣленіи труда, связанномъ съ обмѣномъ продуктами его и т. д.,— реально для отдѣльныхъ членовъ группы въ своихъ вещныхъ отношеніяхъ.

Единство „родственной группы", вполнѣ реально опредѣляющееся только въ самомъ моментѣ столкновенія, для періода покоя остается лишь какъ чувство общей внѣшней опасности, какъ нѣкоторый идеальный моментъ.

Если періодъ покоя болѣе или менѣе продолжителенъ, но внѣшняя опасность все таки даетъ себя чувствовать, стремленіе массы освободиться отъ напряженнаго психологическаго состоянія создаетъ реальныя формы своего единства въ видѣ, напримѣръ, идола или въ лицѣ постояннаго вождя изъ членовъ группы, сосредоточившихъ на себѣ вниманіе массы во время сраженія и другихъ близко подходящихъ проявленіяхъ (пляска) [1]).

---

[1]) Пляска дикарей обыкновенно носитъ характеръ военныхъ упражненій.

Вождь, такимъ образомъ, олицетворяетъ въ глазахъ массы нѣкоторыя идеальныя черты. Откуда: начало главенства, божественности происхожденія и т. д.

Выдвинутое и разработанное Э. Тайлоромъ [1]) положеніе, что этапнымъ пунктомъ къ анимизму у дикаря является сновидѣніе, можетъ имѣть здѣсь отчасти свое примѣненіе въ томъ смыслѣ, что напряженное психологическое состояніе отражается во время сна соотвѣтствующимъ сновидѣніемъ. Въ сновидѣніи оно оформливается яркими красочными образами и потомъ переносится во внѣшній міръ.

Въ неустойчивости „родственной группы", въ тенденціи распасться на составныя „хозяйственныя" нужно видѣть и зачатки раздѣленія ея на мирную и болѣе воинственную части, сосредоточеніе послѣдней около вождя, начало отчужденія продуктовъ труда первой въ пользу второй.

Съ размноженіемъ людей, съ ростомъ населенности той или другой страны, должны также разростаться и „хозяйственныя группы", усложняться раздѣленіе труда, должны возникать новыя, болѣе интенсивныя формы хозяйства. Но особенно быстрымъ темпомъ идетъ съ ростомъ населенности ограниченіе свободныхъ благъ природы. Столкновенія обособленныхъ „родственныхъ группъ" принимаетъ все болѣе и болѣе постоянный характеръ, и ростъ ихъ замѣтно опережаетъ ростъ первыхъ („хозяйственныхъ группъ"). Мужчина, какъ болѣе сильный, ближе удовлетворяющій требованіямъ

---

[1]) Э. Тайлоръ. Антропологія. Первобытная культура,

войны, начинаетъ занимать теперь преобладающее положеніе въ „родственной группѣ“, почему признакъ родства переносится на него: родственная связь устанавливается по мужской линіи, по происхожденію отъ общаго родоначальника. Мы переходимъ къ патріархальному періоду жизни человѣка, къ родовому патріархальному строю.

Человѣка теперь мы встрѣчаемъ уже соединившимся въ отдѣльные замкнутые роды, племена, сталкивающіеся другъ съ другомъ внѣшне, ведущіе между собою непрерывную коллективную борьбу. Каждое изъ такихъ племенъ включаетъ теперь много самостоятельныхъ „хозяйственныхъ группъ“, но общность для цѣлаго племени одной и той же неорганической и органической среды устанавливаетъ между послѣдними нѣкоторую одинаковость, нѣкоторое внутреннее сходство. Поэтому мы можемъ говорить объ охотничьемъ, пастушескомъ, земледѣльческомъ состояніи всего племени.

Какъ носитель кровной связи, необходимо выступающей на почвѣ враждебныхъ внѣшнихъ столкновеній рода или племени къ другимъ; какъ реальное воплощеніе идеальнаго для періода затишья единства,—родоначальникъ является „высшимъ“ лицомъ, а собраніе таковыхъ—авторитетнымъ учрежденіемъ для цѣлаго племени. Родоначальникъ выступаетъ какъ бы посредникомъ между идеальнымъ единствомъ племени и отдѣльными членами его, между членами племени и „какимъ-то“ божественнымъ началомъ. Выбирая или утверждая общаго вождя племени, совѣтъ родоначальниковъ передаетъ ему это „божественное“ начало. Если мы

всмотримся ближе въ роль родоначальника, совѣта ихъ, мы увидимъ здѣсь зародышъ жречества и начало обособленія такового отъ военнаго сословія. Но учрежденія эти, возникнувъ на почвѣ внѣшнихъ столкновеній, несутъ и миссію, связанную пока только съ таковыми. „Совѣтъ этотъ (военачальниковъ) не есть управляющій органъ въ обычномъ смыслѣ слова, онъ не вмѣшивается въ дѣла клана или фратріи. Онъ вѣдаетъ лишь отношенія племени къ другимъ племенамъ и всѣ военные планы". [1])

Сосредоточимъ теперь наше вниманіе на самомъ моментѣ столкновенія. Мысленно мы можемъ себѣ представить, что два или нѣсколько племенъ, замкнутыхъ каждое въ себѣ, обитаетъ болѣе или менѣе продолжительное время въ нѣкоторой сосѣдней близости. Между ними возможны отдѣльныя стычки, но можетъ также за продолжительное сосѣдство установиться и та или другая связь обмѣна (предметами военныхъ украшеній и т. д.), чему, между прочимъ, содѣйствуетъ и близость ихъ въ извѣстной степени другъ другу этнографически. „Со страхомъ и трепетомъ приближаются другъ къ другу лица, принадлежащія къ различнымъ „мірамъ." Взаимно мирныя отношенія могутъ быть прерваны въ каждую данную минуту". [2]) Чтобы обезпечить обмѣнъ, „рынки устраиваются,—говоритъ К. Бюхеръ,—одинаково у негровъ, индѣйцевъ и полинезцевъ на границахъ раздѣляющихъ владѣнія различныхъ

---

[1]) Ф. Г. Гиддингсъ. Основанія соціологіи.

[2]) М. И. Кулишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и исторіи культуры.

3

племенъ, на свободныхъ мѣстахъ, нерѣдко въ срединѣ дѣвственнаго лѣса. Это—нейтральныя области, въ предѣлахъ которыхъ нѣтъ мѣста какимъ бы то ни было племеннымъ раздорамъ; тотъ, кто нарушитъ рыночный миръ, подлежитъ строжайшему наказанію".[1]) Каковъ бы ни былъ обмѣнъ, поскольку онъ существуетъ, постольку существуетъ вещное пониманіе племенъ другъ друга, частичное сближеніе ихъ.

Можетъ представиться и такой случай, что нѣсколько сошедшихся племенъ одновременно находятся въ состояніи передвиженія. Здѣсь также враждебныя столкновенія особенно не разрастутся, а скорѣе установится нѣкоторое пониманіе общности положенія, вплоть до соединенія въ одну орду.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ, такъ сказать, добровольное сближеніе племенъ. Если же одно или нѣсколько союзныхъ племенъ движется и встрѣчаетъ на пути удобную для своего обитанія область, но занятую уже другими, тогда обыкновенно происходитъ рѣшительное сраженіе, которое оканчивается или уничтоженіемъ одной изъ сторонъ, или вытѣсненіемъ туземцевъ, или покореніемъ ихъ пришельцами.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и чаще изъ мрака невѣдомыхъ первобытному человѣку міровъ выступаютъ новыя и новыя племена, которыя надвигаясь все ближе и ближе, своею несмѣтною массою стремятся пожрать его, уничтожить, обратить въ прахъ и пепелъ

---

[1]) К. Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства

всю его культуру, въ основаніи разрушить его бытъ очагъ... Консерватизмъ рода, племени сталкивается здѣсь съ консерватизмомъ вида, органическимъ консерватизмомъ человѣка, и въ этомъ столкновеніи рождается новая, своеобразная форма общежитія—государственность, цивилизація.

Дотолѣ совершенно чуждыя другъ другу племена,—каждое съ своеобразнымъ укладомъ жизни, съ своеобразными, нерѣдко рѣзко отличающимися соціально-хозяйственными формами,—стихійно сближаются теперь между собою подъ напоромъ общей внѣшней опасности.

Чѣмъ изолированнѣе относительно этой сплоченности стоитъ какое-либо племя, чѣмъ беззащитнѣе чувствуетъ оно себя отъ надвигающихся полчищъ, тѣмъ обыкновенно легче, съ большей покорностью подчиняется оно пришельцамъ, отдавая имъ всѣ свои богатства, свободу, жизнь; примиряясь съ положеніемъ вещи, врученной судьбою въ неограниченное пользованіе властелину,—съ положеніемъ раба.

„Какъ только возникло опредѣленное главенство, званіе вождя,—къ чему стремятся дать поводъ самыя эти столкновенія (внѣшнія—враждебныя. Н. К.), въ особенности когда они оканчиваются покореніемъ и порабощеніемъ на продолжительное время,—возникаютъ и зачатки политической организаціи... Промышленная организація общества опредѣляется, главнымъ образомъ, его неорганическою и органическою средою, правительственная же организація опредѣляется, главнымъ образомъ, его надъ-органической средою, т. е. дѣятельно-

стями тѣхъ сосѣднихъ съ нимъ обществъ, съ которыми оно ведетъ борьбу за существованіе". [1])

„Никогда и нигдѣ государства не возникали иначе, какъ черезъ порабощеніе чужихъ племенъ однимъ или нѣсколькими союзными и объединенными племенами".[2])

Сплоченныя только силою меча около одного центра, отдѣльныя племена, входящія въ составъ сложнаго конгломерата—государство, продолжаютъ еще оставаться замкнутыми одно относительно другого, почти нетронутыми въ своемъ внутреннемъ состояніи. Сложность, внутреннее разнообразіе такого государства—ничто иное какъ племенное разнообразіе его составныхъ частей. Но съ первыхъ же шаговъ соединенія племенъ въ государства замѣчаются нѣкоторыя измѣненія.

Когда мы разсматривали „родственную группу", мы видѣли, что она,—при наступленіи нѣкотораго періода внѣшняго затишья, если, напримѣръ, попадала въ обширную незаселенную благодатную область,—имѣла тенденцію распасться на составныя „хозяйственныя группы",—распасться вплоть до ухода группъ, болѣе консервативныхъ хозяйственно, въ поиски за лучшими мѣстами; мы говорили, что, если столкновенія ослабѣвали, но внѣшняя опасность давала себя чувствовать, „родственная группа" не распадалась, а намѣчалось только раздѣленіе ея на болѣе мирную и воинственную части, сосредоточеніе послѣдней около вождя. Въ

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія соціологіи.

[2]) Л. Гумпловичъ. Основы соціологіи. У автора курсивомъ. Конечно, онъ отчасти суживаетъ понятіе государства.

патріархальный періодъ около вождя сосредоточиваются и родоначальники племени.

Теперь въ составномъ государствѣ получается положеніе, приближающееся, отчасти къ только что отмѣченному. Опасность взаимныхъ столкновеній отдѣльныхъ племенъ, входящихъ въ составъ государства, ослабѣваетъ, въ связи съ чѣмъ должно также, какъ и въ ранѣе разсмотрѣнномъ періодѣ, намѣчаться распаденіе каждаго племени на составныя хозяйственныя группы, отдѣленіе болѣе консервативныхъ хозяйственно, т. е. болѣе воинственныхъ, въ главѣ съ своимъ вождемъ и сосредоточеніе ихъ около общаго главы государства. „Существенный признакъ государства,—говоритъ Ф. Энгельсъ, [1]) — состоитъ въ отдѣльной отъ народной массы общества силѣ“. Одновременно идетъ также выдѣленіе изъ каждаго племени родоначальниковъ, роль которыхъ постепенно опредѣляется въ формѣ жречества, и такое же ихъ центральное сосредоточеніе.

Общій характеръ государства, какъ составленнаго изъ отдѣльныхъ изолированныхъ племенъ, обусловливаетъ аналогичное положеніе и для этихъ выдѣлившихся частей: онѣ замыкаются въ опредѣленныя группы, отдѣльные члены которыхъ теряютъ мало-по-малу связь съ племенемъ, изъ котораго они вышли.

Каждое оставшееся послѣ выдѣленія названныхъ элементовъ племя состоитъ теперь изъ очень близкихъ „хозяйственныхъ группъ“ и продолжаетъ еще быть замкнутымъ, но эта замкнутость отчасти уже нарушена.

---

[1]) Ф. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства.

Мы говоримъ о кастовомъ строѣ.

Новая форма общежитія: государство,—сковывая территоріально отдѣльныя племена, устанавливая между ними опредѣленныя рамки внѣшнихъ отношеній, недопускающія враждебныхъ коллективныхъ столкновеній, уничтоженія одного племени другимъ, насильственнаго захвата другъ у друга продуктовъ труда,—тѣмъ самымъ обезоруживаетъ хозяйственный консерватизмъ составляющихъ его группъ, обезоруживаетъ въ смыслѣ простого, болѣе легкаго его исхода, оставляя ему просторъ только непосредственной борьбы съ органическимъ и неорганическимъ міромъ, на почвѣ только которой и покоится прогрессъ хозяйственной жизни человѣка.

Государство, такимъ образомъ, фактомъ своего существованія создаетъ обстановку, благопріятную для дальнѣйшаго внутренняго роста и усложненія каждой отдѣльной „хозяйственной группы", открываетъ путь хозяйственному творчеству человѣка, дальнѣйшей его въ этомъ отношеніи эволюціи.

Но, закрывая безплодный, антисоціальный путь консерватизму выше названныхъ группъ, государство,—какъ сплоченная чудовищная сила, въ лицѣ тѣхъ группъ, связь между членами которыхъ покоится т о л ь к о на внѣшнихъ столкновеніяхъ его съ другими государствами и внутренней принудительной власти, силою удерживающей границы взаимныхъ отношеній составныхъ своихъ частей,—само остается болѣе или менѣе свободнымъ на этомъ пути.

Кромѣ того, какова бы ни была его форма, прину-

дительныя рамки взаимныхъ отношеній составныхъ частей государства обращаются всегда съ теченіемъ времени изъ рамокъ, освобождающихъ развитіе внутренней соціально-хозяйственной жизни человѣка, въ рамки, связывающія таковое. Поэтому онѣ, въ концѣ концовъ, всегда рушатся, а вмѣстѣ съ тѣмъ уходитъ въ вѣчность и соотвѣтствующая форма государственности.

II.

Человѣческую мысль издавна сосредоточиваютъ на себѣ вопросы семьи, собственности, общества и государства; много выдающихся силъ напряженно работало и работаетъ надъ выясненіемъ этихъ вопросовъ, но и въ наше еще время встрѣчаются заявленія, что „при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, мы не можемъ съ увѣренностью опредѣлить, что такое государство, верховная власть, политическая свобода, демократія, соціализмъ, коммунизмъ и т. д.; слѣдовательно, съ точки зрѣнія правильнаго метода, нужно было бы запретить себѣ употребленіе этихъ понятій“. [1])

Мы не будемъ, конечно, останавливаться сейчасъ на разборѣ всего сдѣланнаго въ этомъ отношеніи изслѣдователями. Мы отчасти только коснемся постановки и разработки этихъ вопросовъ у нѣкоторыхъ авторовъ, чтобы тѣмъ самымъ яснѣе оформить свою мысль. Отмѣченные вопросы близко связаны одинъ съ дру-

---

[1]) Э. Дюркгеймъ. Методъ соціологіи.

гимъ, и, разсматривая какой-либо изъ нихъ, приходится такъ или иначе считаться съ остальными. Къ нимъ тѣсно примыкаетъ также вопросъ о первобытной общинѣ; это, правда, частный вопросъ, но то или другое освѣщеніе его важно потому, что въ первобытной общинѣ многіе видятъ зародышъ, изъ котораго впослѣдствіи развились самыя разнообразныя формы общежитія. Поэтому мы остановимся въ свое время нѣсколько и на немъ.

„Историкъ-этнографъ,—говоритъ М. Ковалевскій, [1]) —приступая въ наше время къ изученію первобытной культуры, знаетъ, что объектомъ его изслѣдованія являются не отдѣльные индивидуумы, будто бы вступающіе другъ съ другомъ въ соглашеніе,—жить сообща подъ начальствомъ ими же установленныхъ властей,—и не отдѣльныя семьи, искони вѣковъ существовавшія и постепенно разросшіяся въ родовые союзы, а стадныя группы индивидуумовъ разнаго пола,—группы, въ средѣ которыхъ происходитъ медленный и самопроизвольный процессъ дифференціаціи"... Въ такомъ же почти смыслѣ высказывается и Штарке;—онъ считаетъ, что всякое обстоятельство, способное соединить во-едино, могло служить достаточнымъ основаніемъ для возникновенія вообще тѣсной группы. По мнѣнію А. Позада, къ которому онъ приходитъ на основаніи всесторонняго изученія изслѣдователей первобытнаго общества,—„Семья не есть зародышъ человѣческаго общества. Семья и общество появляются одновременно. Вначалѣ обѣ эти формы слиты и смѣшаны между собою, точно также,

[1]) М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе.

какъ смѣшаны и слиты тѣ причины, которыми вызваны были существенныя необходимыя потребности человѣка: сохраненіе индивидуальной жизни, размноженіе и сосѣдскія отношенія" [1]). Дѣйствительно, относительно тѣхъ же изслѣдователей, работы которыхъ приводятъ А. Позада къ указанному заключенію, Мэнъ говоритъ, что „они одинаково сходятся въ признаніи того, что сначала человѣческое общество представляло собою полное смѣшеніе, что затѣмъ оно мало по малу видоизмѣнилось подъ вліяніемъ развивавшагося упорядоченія отношеній, что сначала оно являлось безпорядочной ордой, а затѣмъ постепенно поднялось до той ступени развитія, въ которой, наконецъ, появилась семья".[2]) Хронологически этому мнѣнію предшествовало господство мнѣнія о „патріархатѣ", какъ первой по времени формѣ общежитія. Генри Сомеръ Менъ, на основаніи знакомства съ древними учрежденіями индусовъ, арабовъ, евреевъ, грековъ, римлянъ, галловъ,—настойчиво утверждалъ, что „первобытное общественное состояніе должно было представлять замкнутую, независимую семью, зиждущуюся на родственной связи между отцомъ (главою съ сильной дискреціонной властью, воля котораго—законъ), матерью и дѣтьми. Это—тѣсная группа, сама себя удовлетворяющая въ извѣстныхъ отношеніяхъ и исполняющая въ своей собственной сферѣ роль государства"...[3]) Но, замѣтилъ Г. Спенсеръ,

[1]) Адольфъ Позада. Очеркъ современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства.

[2]) Г. С. Мэнъ. Древній законъ и обычай.

[3]) Мэнъ. Древнее право. Цитирую по А. Позада.

Мэнъ легкомысленно отнесся къ матеріаламъ собраннымъ Леббокомъ, Макъ-Леннаномъ и другими выдающимися изслѣдователями. Дѣйствительно, послѣ работъ Бахофена, Макъ-Ленанна, Моргана, раздвинувшихъ границы изслѣдованія вширь и глубь, т. е. включившихъ въ свои изслѣдованія новыя племена и воспользовавшихся болѣе древними памятниками первобытной жизни, почти всѣми признанъ матріархатъ первоначальной формой бытового упорядоченія смѣшанныхъ до того группъ,—матріархатъ, который только позднѣе смѣнился патріархальнымъ строемъ.

Итакъ, работою цѣлаго поколѣнія ученыхъ, непосредственными наблюденіями выдающихся изслѣдователей, показаніями путешественниковъ, миссіонеровъ, изысканіями въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ, тщательнымъ анализомъ памятниковъ искусства, миѳологіи, многочисленными раскопками,—удалось отчасти проникнуть въ доисторическій міръ и болѣе или менѣе точно установить фактъ родового строя первобытнаго человѣка, послѣдовательность смѣны формъ его. Но разработка этого сложнаго богатаго матеріала не пошла пока дальше, собственно говоря, тщательной систематизаціи. Анализа съ точки зрѣнія общаго объединяющаго принципа пока не дано; характеръ и смыслъ учрежденій первобытнаго человѣка не уясненъ, если не считать отдѣльныхъ робкихъ въ этомъ отношеніи обобщеній.

Въ такомъ же положеніи находится вопросъ о происхожденіи собствености и государства. Всѣ источни-

ки несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что у первобытнаго человѣка индивидуальной, частной (въ нашемъ смыслѣ) собственности не существовало; всѣ данныя опредѣленно говорятъ о томъ, что хозяиномъ территоріи являлось не отдѣльное лицо или семья, а цѣлый родъ, племя, захватившій таковую. Поэтому хозяйственный укладъ жизни первобытнаго человѣка всѣми характеризуется какъ родовой-общинный, коммунальный. Параллельно съ созданіемъ государственной формы общежитія констатировано распаденіе родового строя, постепенная индивидуализація собственоcти и переходъ къ территоріальной (въ узкомъ смыслѣ слова) организаціи общества. (Послѣднее, собственно, особенно характерно только для періода греко-римскаго міра.) Эти моменты обыкновенно и считаются основными въ вопросѣ о происхожденіи государства, а уясненіе ихъ—уясненіемъ самого вопроса. „По мнѣнію Сомера Мэна, Спенсера, Жиро-Тейлона, совпадающему съ выводами, которые можно сдѣлать на основаніи самой эволюціи общества,—говоритъ А. Позада,[1])—выдѣленіе государства совершается въ силу сознанія различія, существующаго между связью по крови и связью по землѣ или, лучше сказать, по мѣсту или пространству". „Формы общественнаго устройства могутъ быть сведены, — говоритъ Л. Морганъ, [2]) — къ двумъ главнымъ основнымъ формамъ... Первая по времени основывается на личности и на чисто личныхъ отно-

---

[1]) А. Позада. Очерки современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государтва.

[2]) Льюисъ Морганъ. Первобытное общество. (Помимо всего прочаго, Морганъ произвольно трактуетъ понятіе общества).

шеніяхъ и можетъ быть обозначена терминомъ „общества“. Родъ есть элементарная форма этой организаціи... Вторая форма основывается на территоріи и частной собственности и можетъ быть названа государствомъ“. „Преобладаніе идеи собственности, какъ страсти надъ всѣми другими желаніями,—говоритъ онъ тамъ же,—характеризуетъ начало цивилизаціи. Идея собственности привела человѣчество къ тому, что оно не только преодолѣло всѣ препятствія тормозившія цивилизацію, но и учредило политическое общество на основаніи территоріи и собственности“. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, Морганъ утверждаетъ, что римскій строй въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ моментъ смерти Ромула, представлялъ общество, а не государство.

Гдѣ-то М. М. Ковалевскій въ защиту своего учителя — Г. Мэна, отстаивавшаго теорію первобытнаго патріархата, сказалъ, что въ то время еще не было достаточно данныхъ говорить о матріархатѣ, что Мэну приходилось имѣть дѣло главнымъ образомъ только съ греками, римлянами и т. д. Намъ кажется, что тѣмъ же только можно оправдать и всѣхъ изслѣдователей, которые происхожденіе государства трактуютъ въ выше указанномъ смыслѣ и которые за основной критерій таковаго принимаютъ только частную собственность и территорію, какъ организующее начало. Для періода греко-римскаго міра Морганъ и другіе культуръ-историки отчасти правы, но возводить это толкованіе въ принципъ,—значитъ съужать понятіе государства.

Здѣсь мы сталкиваемся съ общимъ недостаткомъ,

замѣтно дающимъ себя чувствовать у многихъ извѣстныхъ намъ изслѣдователей данныхъ вопросовъ, именно—отсутствіе общаго критерія, общаго руководящаго принципа.

Всѣ признаютъ нѣкоторую самостоятельность за явленіями соціально-хозяйственнаго быта и политической организаціи общества (проблема: хозяйство и право); но всѣ недостаточно ясно подчеркиваютъ тѣ моменты, которые лежатъ въ основаніи явленій того и другого рода, недостаточно строго проводятъ въ своихъ работахъ анализъ явленія съ точки зрѣнія таковыхъ моментовъ. Словами: „Промышленная организація общества опредѣляется главнымъ образомъ его неорганическою и органическою средою, правительственнная же организація—надъ-органическою средою"... Гербетъ Спенсеръ далъ въ этомъ отношеніи общую формулу, но самъ не развилъ ее, а скорѣе иллюстрировалъ блестящими аналогіями. Ничего почти не сдѣлали въ данномъ направленіи и позднѣйшіе изслѣдователи. А между тѣмъ только самое точное разграниченіе вопросовъ, самое точное опредѣленіе сферы явленій, охватываемыхъ каждымъ изъ нихъ, опредѣленіе въ смыслѣ послѣдовательнаго примѣненія общаго критерія къ анализу конкретнаго матеріала,—можетъ внести освѣщеніе въ разработку его.

Въ первой главѣ настоящей работы мы даемъ попытку такъ разсмотрѣть, между прочимъ, родовой строй жизни первобытнаго человѣка. Структуру „родственной группы", какъ зачаточной формы политической организаціи, мы анализировали съ точки зрѣнія

внѣшнихъ столкновеній отдѣльныхъ изолированныхъ группъ между собою, съ точки зрѣнія жизни группы въ „надъ-органической“ средѣ.

Съ такой же точки зрѣнія мы будемъ разсматривать и структуру разнообразныхъ формъ государственнаго общежитія народовъ, структуру цивилизацій. Но, тогда какъ для отдѣльной „родственной группы“ (родъ, племя) внѣшней надъ - органической средой являлись такія же другія,—для цѣлаго народа, объединившагося государственно, внѣшнюю надъ-органическую среду, замѣтно кладущую свой отпечатокъ на внутренній политическій строй его, составятъ другіе, объединяющіеся или объединившіеся въ государство народы.

Итакъ, чтобы выяснить происхожденіе и развитіе различныхъ формъ государственности, необходимо исходить изъ анализа момента международной жизни человѣчества.

Каждый историческій періодъ характеризуется въ этомъ отношеніи своеобразнымъ моментомъ; а вся совокупность народовъ, выступившихъ въ тотъ или другой періодъ на сцену исторіи и своимъ взаимодѣйствіемъ создавшихъ таковой моментъ, является носительницей соотвѣтствующей формы цивилизаціи эпохи.

Что касается вопроса о первобытной общинѣ, то онъ также болѣе или менѣе ясно обрисовывается только съ точки зрѣнія отмѣченнаго пониманія. Дѣло въ томъ,—когда говорятъ о первобытной общинѣ, говорятъ, мы считаемъ, не столько о соціально-хозяйствен-

ной физіономіи ея, сколько о ней, какъ административно-политической единицѣ.

Государственная организація общества, связанная съ обособленіемъ административно-политическихъ функцій (въ широкомъ смыслѣ слова) отъ соціально-хозяйственныхъ, требуетъ отдѣленія части продуктовъ, произведенныхъ представителями хозяйственной дѣятельности въ пользу исполнителей перваго рода функцій, отдѣленія—въ формѣ ли принудительнаго труда или въ формѣ налога и т. д. Но въ первобытной „родственной группѣ“ строгая дифференціація въ этомъ отношеніи функцій произойти еще не могла. Отдѣлить тамъ производителя средствъ существованія отъ воина почти невозможно. Поэтому—объединенныя въ кровно-политическій союзъ—отдѣльныя „хозяйственныя группы“. объединены соотвѣтствующимъ образомъ и въ распредѣленіи продуктовъ, т. е. чистый производитель не отдѣляется здѣсь отъ воина-потребителя. Въ такомъ только смыслѣ и можно понимать „коммунизмъ“ первобытной общины, т. е. въ смыслѣ распредѣленія продуктовъ между всѣми членами ея, независимо отъ участія того или другого въ производствѣ ихъ.

Внѣшнія столкновенія „родственной группы“ съ другими, опредѣлившія ее, какъ политическую единицу въ зачаточной формѣ, отразились здѣсь, мы видимъ, во внутреннемъ соціально-хозяйственномъ бытѣ. Именно, распредѣленіе продуктовъ между членами „трудовой группы“,—произведенныхъ (теоретически) внутри отдѣльныхъ „хозяйственныхъ группъ“, представляющихъ какъ бы зародышъ коопераціи,—основано на политиче-

скомъ (кровномъ) единствѣ „родственной группы". Въ этомъ отношенiи правъ Тардъ [1]), говоря о господствѣ коллективизма, какъ о показателѣ того, между прочимъ, что земледѣлецъ подвергается еще, подобно берберамъ, опасности отъ хищныхъ и воинственныхъ племенъ.

Съ переходомъ къ государственной организацiи, говорили мы, опасность внѣшнихъ столкновенiй отдѣльныхъ „родственныхъ группъ" между собою (т. е. племенъ, вошедшихъ въ составъ одного государства) теряется, поэтому такiя группы распадаются, выдѣляя изъ себя элементы, придававшiе имъ прежде характеръ обособленныхъ военно-родовыхъ союзовъ. „Хозяйственныя группы" освобождаются теперь отъ тѣхъ специфическихъ привнесенiй, которыя создавала необходимость кровно-политическаго союза, т. е. первобытный коммунизмъ теряетъ подъ собою почву. „По мѣрѣ удаленiя отъ времени первоначальнаго поселенiя родовъ въ предѣлахъ завоеванной ими территорiи, сознанiе кровнаго родства между отдѣльными вѣтвями рода необходимо должно ослабѣвать. Съ постепеннымъ упадкомъ этого сознанiя обнаруживается, съ одной стороны, въ каждомъ изъ родовыхъ подраздѣленiй желанiе устроить свои имущественныя отношенiя такимъ образомъ, чтобы они стояли внѣ сферы участiя и вмѣшательства болѣе или менѣе чуждыхъ ему остальныхъ подраздѣленiй рода, а съ другой стороны — необходимо усиливается

---

[1]) Г. Тардъ. Происхожденiе семьи и собственности.

стремленіе къ индивидуализаціи имущественныхъ отношеній въ предѣлахъ каждаго поселка“ [1]).

Однако „хозяйственныя группы“ и освободившись отъ вынужденной кровно-родственной организаціи, вынужденной кровно-родственной связи съ „нехозяйственными“ элементами, обусловливавшей существованіе въ нихъ коммунистическаго принципа распредѣленія, не остаются свободными отъ политическаго момента. Взамѣнъ „коммунизма“, какъ своеобразной формы реализаціи такового, на сцену теперь выступаетъ та или иная, внѣшне-обусловленная государственная организація ихъ. Это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго анализа конкретныхъ историческихъ формъ смѣнившихъ одна другую цивилизацій.

---

[1]) М. Ковалевскій. Общинное землевладѣніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Еще въ тѣ отдаленнѣйшія времена человѣческой исторіи, когда покровы ночи не приподнялись, и утро еще не наступило, когда только брезжущіе проблески свѣта едва прорѣзали густой мракъ ея, у арійскихъ племенъ, обитавшихъ тогда въ бассейнѣ Инда, изъ массы земледѣльческаго и пастушьяго населенія уже выдѣляются,—говоритъ Г. Веберъ [1]),—князья племенъ, окруженные людьми искусными въ военномъ дѣлѣ и жрецы, совершающіе обряды жертвоприношенія. Эти племена сталкиваются между собою, враждуютъ; у каждаго существуютъ свои боги, свой культъ. Но вотъ съ теченіемъ времени они мало-по-малу сплачиваются, двигаются,—двигаются на востокъ въ бассейнъ Ганга. Они покоряютъ здѣсь туземное населеніе Судровъ, Косиковъ, Кадравеевъ, называемое ими общимъ именемъ „Дазіевъ" [2]), упрочиваютъ границы, обезсиливаютъ окрестныя племена, способныя нарушить эти границы и такимъ образомъ складываются въ одно обширное, сложное государство. „Пока завоеваніе не завершилось, весь народъ былъ занятъ военнымъ дѣломъ. Когда-же

---

[1]) Г. Веберъ. Всеобщая исторія.

[2]) Ф. Ленорманъ. Руководство къ древней исторіи Востока.

началось широкое обладаніе покоренною страною, значительная часть поселенцевъ („висовъ") обратилась къ земледѣлію, давшему изобильные урожаи, предоставивъ борьбу съ врагами и охраненіе страны князьямъ племенъ и образовавшемуся въ періодъ завоеваній военному дворянству".[1]) Въ то же время выдѣляются и объединяются между собою и жрецы отдѣльныхъ племенъ. Ихъ внѣшнее объединеніе имѣетъ свое внутреннее выраженіе въ стремленіи объединить божества, культы отдѣльныхъ племенъ однимъ общимъ религіознымъ ученіемъ, однимъ вѣрованіемъ въ единую духовную силу, создающую все. „Могущественная жреческая корпорація не могла ни установиться, ни дойти до особенно цвѣтущаго состоянія и увѣковѣчить себя безъ системы религіозной доктрины, изъ которой она сдѣлала свое достояніе".[2]) „Религія, породившая государство, и государство, породившее религію, опирались другъ на друга и составляли одно неразрывное цѣлое; двѣ эти соединенныя и слитыя силы образовали власть почти сверхъ-человѣческую, которой равно подчинены были какъ душа, такъ и тѣло"[3]).

Но этому государству теперь не угрожали еще такія же другія государства или вообще болѣе или менѣе сильные народы, не угрожали и не могли угрожать, потому что защищено оно было непроходимыми для того времени естественными границами. „Индія совер-

---

[1]) Г. Веберъ. Всеобщая исторія.

[2]) Ф. Ленорманъ. Руководство къ древней исторіи Востока.

[3]) Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община.

шенно отдѣлена, если не на сѣверо-востокѣ, со стороны Китая, то, по крайней мѣрѣ, на западѣ и на сѣверо-западѣ, со стороны Персіи, безводными пространствами, дикими, необитаемыми плоскогоріями, высокими, покрытыми снѣгомъ горами. Эти географическія границы начертаны природой такъ рѣзко и опредѣленно, что онѣ не могли не сдѣлаться въ то же время и этнологическими границами... Съ той и другой стороны различные родственные по языку народы слѣдовали въ своемъ историческомъ развитіи каждый своимъ отдѣльнымъ путемъ".[1]) Только „черные", „обезьяноподобные" чандалы да остатки дикихъ, ютящихся въ лѣсахъ и ущельяхъ горъ, племенъ напоминали индусу о томъ, что существуютъ и помимо его двурукіе, напоминали ему о „крови". Поэтому, „когда начались мирныя времена, услуги воиновъ стали ненужны, и значеніе военнаго сословія уменьшилось".[2]) „Воины, разбогатѣвшіе добычей съ побѣжденныхъ, окруженные ореоломъ, который даетъ побѣда, возгордившіеся славой своихъ подвиговъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ народа".[3]) Объединеніе осталось главнымъ образомъ, какъ идеальное, и на сцену выступило жреческое сословіе.

Война родитъ государство, она создаетъ центръ: вождя, фараона, цезаря, императора,—въ лицѣ котораго народное міросозерцаніе реализуетъ свое внутреннее

---

[1]) Элизе Реклю. Земля и Люди. VII т.

[2]) Г. Веберъ. Всеобщая исторія.

[3]) Ф. Ленорманъ. Руководство къ древней исторіи Востока.

племенное, расовое и т. д. единство, какъ противостоящее единству другихъ, и всякое продолжительное затишье, всякое ослабленіе этой центральной власти является началомъ упадка государственности. Мощная власть государства—внутренняя сторона той сплоченной силы, которая обезпечиваетъ ему существованіе среди другихъ; власть, дающая все-таки, сравнительно съ властью рода, большій просторъ совершенствованію надъ-органической жизни,—переходитъ въ такомъ случаѣ (съ началомъ упадка) отъ вождя, фараона и т. д. къ той группѣ, которая является теперь выразительницей ближайшаго внѣшняго момента международной жизни, связывающаго внутри отдѣльныя „хозяйственныя группы", изолированные „надъ-органическіе мірки" въ одинъ народъ. Для этой же группы открывается теперь просторъ исхода консерватизма государства, о которомъ мы говорили раньше, „анти-соціальнаго" консерватизма.

Въ Индіи связывающимъ государственно моментомъ съ наступленіемъ покоя остается только извѣстный психологическій моментъ, нѣкоторое идеальное начало, вылившееся въ соотвѣтствующемъ религіозномъ культѣ, и преобладающее положеніе заняла каста жрецовъ, —носительница идеальнаго начала. Власть перешла къ ней, военное сословіе поступило въ ея распоряженіе. «Когда жрецы сдѣлались единственными хранителями древнихъ Ришизовъ,—гимновъ, пріятныхъ богамъ,—которыми можно было привлечь ихъ милость на народъ; наконецъ, — хранителями существенныхъ обрядовъ жертвоприношенія, то безъ нихъ уже нельзя

было обойтись во всѣхъ актахъ религіозной жизни, оставшихся.... единственной національной связью аріевъ...... Всѣ памятники древней индійской литературы,—поэзія, легенды, философскія и религіозныя сочиненія,—показываютъ ясно, что браманы служили главнымъ орудіемъ развитія арійской цивилизаціи въ этихъ странахъ. Они были ея внутреннимъ духомъ и верховными организаторами; они дали этой цивилизаціи свойственный ей импульсъ и характеръ [1]) «Лишь въ темныхъ древнихъ преданіяхъ сохранились слѣды воспоминаній о великой войнѣ между воинами и брагманами" [2]). Все это вполнѣ понятно съ развиваемой нами точки зрѣнія.

Въ періодъ упадка государственности,—разъ внутреннее спокойствіе рѣзко не нарушается,—жизнь отдѣльныхъ „хозяйственныхъ группъ" не замираетъ, а развивается быстрымъ темпомъ; хотя развивается въ извѣстныхъ только границахъ, поставленныхъ ей рамками той или другой политической организаціи.

Упадокъ государственности, о которомъ мы говоримъ, для Индіи выражается въ большемъ и большемъ замыканіи кастъ (первоначально отдѣльныя племена), въ болѣе и болѣе рѣзкомъ распаденіи народа на отдѣльныя изолированныя части,—распаденіи, которое приходится наблюдать съ теченіемъ времени, по мѣрѣ удаленія отъ начала возникновенія государства.

Для рельефности мысли замѣтимъ, что полное, абсолютное распаденіе теоретически мы представляемъ,

---

1) Ф. Ленорманъ. I·bid

2) Г. Веберъ. Всеобщая исторія.

какъ распаденіе, идущее вплоть до отдѣльныхъ „хозяйственныхъ группъ“, до отдѣльныхъ „соціальныхъ мірковъ“ плюсъ также отдѣльныя особи, изъ числа группъ, не занятыхъ никакой хозяйственной дѣятельностью,— распаденіе до полнаго разобщенія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ связи съ тѣмъ, каковъ для того или другого періода внѣшній государственно связывающій моментъ,—эти «соціальныя единицы» выступаютъ сложенными въ формѣ тѣхъ или иныхъ внѣшне-юридически нормированныхъ частей государства. Идеально, въ періодъ военныхъ столкновеній, угрожающихъ существованію цѣлаго народа, всѣ являются воинами; это высшая форма государственности, приближеніе къ которой можно наблюдать въ исторіи.

Каждое племя, входящее въ составъ государства, приноситъ съ собою тотъ или другой общій для его элементовъ типъ соціально-хозяйственнаго быта, каждое приноситъ съ собою соотвѣтствующій религіозный культъ, приноситъ своихъ боговъ. Въ періодъ жизни государства, сходный съ только что отмѣченнымъ, т. е. въ періодъ, когда всѣ отдѣльныя племена стихійно сближаются въ одну орду, племенныя различія совершенно утрачиваются.

Въ Индіи такой періодъ—былъ періодомъ первоначальнаго завоеванія страны. Когда его смѣнилъ другой, то сближеніе, въ жертву котораго принесены были племенные боги, потеряло свой смыслъ. Но полный возвратъ къ періоду, предшествовавшему сближенію, теперь уже невозможенъ. Элементы, придававшіе каждому племени характеръ специфическаго обособленнаго воен-

но-родового союза, уже выдѣлились и замкнулись въ самостоятельныя группы,—касту воиновъ и касту жрецовъ,—выдѣлились, унеся съ собою къ общему центру кровное и религіозное единство отдѣльныхъ племенъ. Отъ прежнихъ племенъ сохранились только союзы „хозяйственныхъ группъ“, отъ цѣльнаго замкнутаго религіознаго культа каждаго изъ нихъ—остатки соотвѣтствующихъ правилъ, обычаевъ, традицій... Вотъ физіономія касты. Это не то ужъ сплоченное кровно племя. Брешь пробита. Кровная связь нарушена. И съ теченіемъ времени внутри государства происходитъ дальнѣйшая перегруппировка простыхъ элементовъ: „хозяйственныхъ группъ“. Нѣкоторые изъ нихъ,—одинаковые въ смыслѣ внутренняго своего сходства, уходя изъ прежнихъ „союзовъ“, тѣснѣе сближаются между собою, свертываются, такъ сказать, въ клубокъ и образуютъ новыя замкнутыя части государства, сложные элементы его,—новыя касты. „Въ кастѣ вайсій разрозненность по различію ремеслъ дошла до того, что каждое ремесло обособилось въ замкнутую корпорацію, подобную кастѣ“. [1]) Такое явленіе наблюдается даже и въ близкія къ намъ времена: „Вводя новые промыслы и ремесла, европейцы тѣмъ самымъ создали новыя касты, изъ которыхъ иныя носятъ названія англійскаго или португальскаго происхожденія... Каждый... хочетъ дѣлать одно какое-нибудь опредѣленное дѣло и, притомъ, дѣлаетъ его не иначе, какъ по традиціонному, унаслѣдованному отъ отцовъ и дѣдовъ способу,

---

[1]) Г. Веберъ. Ibid.

сообразно установленому церемоніалу и порядку прецедентовъ: правовѣрный индусъ предпочтетъ лучше умереть, чѣмъ осквернить себя исполненіемъ работы, почитаемой нечистою". [1]).

Въ родовой политической группѣ, основанной на кровной близости членовъ, непосредственное органическое общеніе (брачное) его элементовъ является кровосмѣшеніемъ и считается противоестественнымъ. Въ сложномъ государствѣ, какъ Индія, такое же въ извѣстномъ смыслѣ пониманіе устанавливается относительно непосредственной надъ-органической связи, непосредственнаго надъ-органическаго общенія элементовъ его (кастъ), т. е. относительно непосредственнаго перехода отдѣльныхъ индивидуумовъ изъ одной касты въ другія.

Брагманы учили, что „разныя касты созданы изъ разныхъ частей Брамы, и переходъ изъ одной въ другую есть нарушеніе естественнаго закона общежитія, есть нѣчто противоестественное" [2]).

Они учили, „что кастовое устройство существуетъ вѣчно, что оно—отличительная характерная черта человѣческаго рода, что народы, отрицающіе его, не только по существу своему варвары, но стоятъ ниже людей и даже судровъ" [3]).

Такъ слагается государственный строй индійскаго народа въ періодъ, слѣдующій за покореніемъ этимъ народомъ занятой имъ страны. Это не государство въ

[1]) Элизе Реклю. Земля и люди VIII т.

[2]) Н. Я. Антоновичъ. Курсъ государственнаго благоустройства.

[3]) Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки.

общепринятомъ смыслѣ слова. Это религіозный союзъ отдѣльныхъ сложныхъ группъ,—союзъ, объединенный общимъ религіознымъ ученіемъ, на стражѣ котораго стоитъ отдѣльная специфическая группа,—каста жрецовъ. „Соціальный строй, осуществленный въ первобытной Индіи, поражаетъ насъ своимъ соотвѣтствіемъ съ внутренними религіозными доктринами индусовъ, каковы бы онѣ ни были; до очевидности ясно, что соціальный строй и религія составляютъ здѣсь только двѣ стороны одного того же созданія". [1]) „Въ браманскомъ обществѣ политическое право не основывается на исторіи, а гражданскій законъ на правѣ естественномъ: политическое и гражданское право вытекаютъ изъ религіознаго закона". [2]). Отдѣльныя части существуютъ самостоятельно и регулируются простымъ взаимодѣйствіемъ безъ постояннаго вмѣшательства особой, принудительной власти.

Индія живетъ такою многіе вѣка. И даже послѣ того, „какъ ея исторія обнажилась отъ покрова тайны, Индія все время играетъ роль какой-то спящей красавицы, покорить которую стремились всѣ основатели великихъ имперій... Индія подчинялась свой судьбѣ съ пассивностью и индифферентизмомъ загипнотизированной [3]).

II.

Но Индія была счастливымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, уголкомъ цивилизаціи, ея государственность сложилась

---

[1]) Л. И. Мечниковъ. Ibid.

[2]) Виввенъ де Сентъ-Мортенъ. Цитирую по Ленорману.

[3]) Л. И. Мечниковъ. Ibid.

какъ бы въ тихомъ затонѣ, куда долгое время не проникали западные народы, принявшіе участіе въ міровой исторіи человѣчества. Если мы перейдемъ къ Ассиріи, Вавилоніи, Мидіи, Персіи,—къ эпохѣ, когда народы этихъ древнихъ цивилизацій являлись центромъ исторической жизни человѣчества, мы увидимъ, что для всѣхъ ихъ эта эпоха является эпохой больше органической, чѣмъ надъ-органической жизни. Это эпоха сплошной кровавой истребительной войны. Каждый изъ народовъ по очереди выступаетъ властелиномъ остальныхъ, чтобы потомъ уступить мѣсто другому. Богатства, добытыя однимъ, становятся добычею другого. О переходящей границы всякаго воображенія жестокости войнъ даннаго періода на территоріи передней Азіи можно судить по надписямъ о войнахъ ассирійскаго царя Тиглатъ-Пилезара I: „Я наполнилъ трупами враговъ горныя долины и вершины, я обезглавилъ ихъ, украсилъ ихъ головами стѣны ихъ городовъ; я забралъ рабовъ, добычу и безчисленныя сокровища... Я наполнилъ развалинами эти области, которыя съ незапамятныхъ временъ не знали подчиненія“... [1]) Жестокости другого ассирійскаго царя, Ассурназирпала, расширившаго границы своего господства до Средиземнаго моря, идутъ еще дальше: „содрать кожу съ живыхъ враговъ и обтянуть ею стѣны завоеваннаго города—дѣло обыкновенное... иногда просто сжигался городъ со всѣми жителями“... [2]) Многочисленные анналы и длинныя надписи, говоритъ

---

[1]) Цитирую по М. С. Корелину. Исторія древняго Востока.

[2]) М. С. Корелинъ. Ibid.

проф. Корелинъ, съ поразительнымъ однообразіемъ перечисляютъ преимущественно различные походы царей въ разныя страны, данныхъ же для внутренней исторіи почти нѣтъ. „Возстанія, безпрерывныя завоеванія и кровопролитія, сталкивавшія народы между собою, закончились, наконецъ, полнымъ истощеніемъ силъ у побѣжденныхъ и побѣдителей; вся передняя Азія буквально плавала въ крови“ [1]). Развитіе внутренней соціально-хозяйственной жизни не могло, конечно, при такихъ условіяхъ идти далеко. „Построекъ, разсчитанныхъ на вѣчность, тамъ не было, потому что о вѣчности не думали. Ассиро-вавилоняне были не менѣе религіозны, чѣмъ египтяне, но они служили богамъ ради благъ настоящихъ, а не будущихъ“ [2]). И если воздвигались города, строились храмы, дворцы, то они, какъ быстро выростали, такъ быстро и обращались въ развалины. Характерна въ этомъ отношеніи ассирійская надпись на памятникѣ Сарданапала: „Сарданапалъ, сынъ Анакиндараса, построилъ въ одинъ день Анхіалу и Тарсъ. Ѣшь, пей и наслаждайся любовью, потому что все остальное пустяки“ [3]).

Государственный строй этихъ народовъ представляетъ схематически, сплошной военный станъ съ центральнымъ пунктомъ (столицей)—дворомъ властелина властвующаго народа и лагерями войскъ, разбросанными то тамъ, то здѣсь съ особыми для каждой части цен-

---

[1]) Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки.

[2]) М. С. Корелинъ. Ibid.

[3]) Г. Веберъ. Всеобщая исторія. (Со словъ Страбона).

трами (провинціальные города), представляющими изъ себя дворы сатраповъ и ихъ приближенныхъ. Всѣ эти дворы блестѣли пышной роскошью, несмѣтными богатствами, доставшимися цѣною уничтоженія сотенъ тысячъ войска. Блескъ, роскошь дворовъ, заглушая запахъ крови не только у царей, сатраповъ, но отчасти и у самого властвующаго народа, вносили въ ихъ жизнь нѣкоторое самоудовлетвореніе.

Это эпоха высшаго напряженія борьбы человѣка органическаго съ человѣкомъ надъ-органическимъ, борьбы человѣко-бога съ бого-человѣкомъ (Мережковскій). Въ теченіе тысячелѣтій на западѣ, сѣверозападѣ зарождались новые и новые народы. Они разростались, слагались въ сплоченную силу и, когда борьба древнихъ утихала, когда послѣдніе, изнуренные взаимнымъ истребленіемъ, устанавливались мало-помалу въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ, новые народы выступали на сцену міровой исторіи новыми завоевателями, новыми властелинами міра. Но напряженіе борьбы, чѣмъ дальше,—тѣмъ больше, ослабѣвало; покореніе восточныхъ народовъ доставалось теперь проще, владѣніе ими становилось легче. Новые народы понемногу выходили изъ подъ гнета взаимной истребительной войны и тѣмъ болѣе быстрымъ темпомъ могли развиваться соціально-хозяйственно. Человѣко-богъ уходитъ во мракъ исторіи, на сцену выступаетъ бого-человѣкъ.

Около этихъ передвигающихся, истребляющихъ другъ друга народовъ, по окраинамъ, въ болѣе или менѣе

защищенныхъ естественно мѣстахъ, ютились маленькіе народцы. Волны сраженій, уничтоженій проходили мимо, почти не задѣвая ихъ. „Расположенные въ сторонѣ отъ военной дороги, по которой двигались завоеватели, они не страдали ни отъ переходовъ непріятельской арміи черезъ ихъ страну, ни отъ перепетій борьбы, принесшей такъ много вреда другимъ племенамъ Ханаана“ [1]. Не представляя замѣтной количественно силы, они мало обращали на себя вниманіе грозныхъ сосѣдей и постоянно стремились ладить съ таковыми, независимо отъ того, кто занималъ преобладающее положеніе. О жителяхъ Тира, напримѣръ, Масперо говоритъ, что они проявили къ угрожавшимъ имъ одно время ассиріянамъ „ту же политику, какую сидоняне проявили относительно Египта: они разсчитали, что подчиниться безъ борьбы гораздо выгоднѣе, нежели сопротивляться при неравныхъ силахъ, и купили себѣ миръ“ [2]. Они мало чѣмъ отличались первое время по общему характеру отъ воюющихъ сосѣдей,—они не развились соціально-хозяйственно, но вмѣсто войны ограничивались частичными грабежами, разбоемъ. Они сосредоточились въ своего рода гнѣздахъ—городахъ и оттуда совершали набѣги. „Первый изъ нихъ (періодовъ)—миѳическія времена, когда подъ управленіемъ царей или племенныхъ князей Библоса и Берита финикіяне занимались морскимъ разбоемъ...“ [3]. Такимъ образомъ у

---

[1]) Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока.

[2]) Ibid.

[3]) Г. Веберъ. Всеобщая исторія.

нихъ тоже скоплялись богатства, которыя и распредѣлялись между участниками набѣговъ.

Эти народцы, положеніемъ вещей, выступили соединившими въ себѣ такія начала: они оставались на первобытной ступени взаимнаго раздѣленія труда, т. е. не развились въ соціально-хозяйственное цѣлое, а продолжали представлять собраніе отдѣльныхъ изолированныхъ группъ, пополняемыхъ рабскимъ трудомъ; затѣмъ, будучи почти въ безопасности со стороны сосѣдей, они не сплотились въ военное государство, т. е. пользовались большимъ просторомъ для индивидуальной иниціативы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они, наконецъ, сосредоточили у себя большія богатства. Все это позволяло имъ распадаться на сколько угодно частей безъ ущерба для индивидуальнаго хозяйства, выдѣлять отдѣльные элементы и образовывать новыя поселенія, колоніи и т. д., слѣдуя въ этомъ отношеніи за перемѣщеніемъ центра исторической жизни человѣчества.

Но грабежъ, разбой, доставляя вообще богатства, не всегда могъ обезпечить этихъ народовъ продуктами необходимаго ежедневнаго потребленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ странъ, занятыхъ ими, въ силу неблагопріятныхъ условій неорганическо-органической среды, не позволялъ добыть нужные продукты на мѣстѣ. Поэтому съ первыхъ же шаговъ своей исторіи такіе народцы вынуждены были обращаться къ другимъ народамъ съ предложеніемъ своихъ богатствъ въ обмѣнъ на недостающіе имъ продукты, т. е. къ постоянному своему занятію—грабежу они присоединили другое—торговлю.

Въ лицѣ описанныхъ только что народцевъ мы

видимъ зачатки обмѣна между замкнутыми, часто враждебными и даже неизвѣстными другъ другу народами. „Финикіяне впервые создали морскую и международную торговлю. Этотъ маленькій народъ занималъ замѣчательное положеніе, давшее ему возможность захватить въ свои руки всю торговлю странъ, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ“ [1]). Но такимъ образомъ чрезъ посредство ихъ устанавливалась та внутренняя связь культуръ отдѣльныхъ народовъ, которая съ теченіемъ времени больше и больше разрывала рамки изолированности. „Въ семьѣ народовъ—говоритъ проф. М. С. Корелинъ, [2])—какъ и въ отдѣльномъ обществѣ, можно замѣтить два рода дѣятелей: одни, одаренные геніальностью, создаютъ новыя формы культурной жизни, творятъ цивилизацію, другіе: смѣлые и предпріимчивые популяризируютъ результаты творчества, приспособляютъ ихъ къ болѣе широкому приложенію... Такими популяризаторами и были финикіяне, имъ была чужда неподвижность творцовъ восточной культуры, и они принесли ее европейскимъ народамъ... Культура Египта и Ассиро-Вавилоніи была слишкомъ оригинальна, слишкомъ проникнута національными особенностями, чтобы ее можно было усвоить чужеземнымъ народамъ, и финикійскіе купцы, чуткіе къ потребностямъ своихъ покупателей, передѣлывали ее сообразно съ ихъ вкусами. Ихъ мѣстныя произведенія, въ которыхъ Египетское сливалось съ Ассирійскимъ, утрачивали оригинальность,

[1]) І. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли. (Со словъ Noel'я).

[2]) Проф. М. С. Корелинъ. Исторія древняго Востока.

но пріобрѣтали болѣе интернаціональный характеръ". „Онъ (купецъ) лично свободенъ и умѣетъ сохранить свою свободу. Онъ не принадлежитъ ни къ господамъ, ни къ рабамъ, но скоро его существованіе становится потребностью для тѣхъ и другихъ. Его привезенные издалека товары нравятся имъ; они рождаютъ потребности, которыя нуждаются въ удовлетвореніи" [1]).

III.

Мы посвятимъ теперь нѣсколько словъ занесенному песками Сахары, покрытому пепломъ исторіи Египту,—тому чудному, удивительному Египту, который гордо возвышался въ свое время надъ всѣмъ древнимъ міромъ,—Египту, который воздвигъ величественные колоссы—пирамиды, создалъ таинственнаго, полнаго глубокой мысли—сфинкса.

Стоя территоріально нѣсколько въ сторонѣ отъ стадныхъ, уничтожающихъ другъ друга сосѣдей, но подъ постоянной, всетаки, угрозой быть втянутымъ въ ихъ войны,—онъ ярко отразилъ на себѣ эпоху нѣсколькихъ тысячелѣтій великой борьбы человѣка съ человѣкомъ. Несмотря на племенную пестроту составныхъ частей, Египетъ значительную часть своей исторической жизни оставался неразрывно цѣльнымъ, сохранялъ строгую форму политическаго единства.

Но его политическое единство больше, чѣмъ гдѣ-либо въ древнемъ мірѣ, связано было съ тѣмъ производственнымъ объединеніемъ, которое создали специ-

---

[1]) Л. Гумпловичъ. Основы соціологіи.

фическія условія его техническаго существованія. „Малѣйшее нерадѣніе при прорытіи какого-нибудь рва, въ поддержаніи какого-либо сооруженія, простая лѣность, эгоизмъ одного человѣка, или небольшой группы ихъ, при общей работѣ надъ коллективнымъ богатствомъ,— драгоцѣнной влагой, и общественное бѣдствіе, непоправимое несчастье готово. Подъ страхомъ неминуемой смерти, рѣка—кормилица внушаетъ населенію солидарность и стремленіе объединить свои силы, хотя-бы на самомъ дѣлѣ отдѣльныя группы населенія не знали и даже ненавидѣли другъ друга“ [1]).

Хозяйственная жизнь современнаго намъ человѣка, разростаясь вширь и глубь, охватываетъ все болѣе и болѣе отраслей производства однимъ общимъ началомъ, началомъ техническаго единства. Отчасти то же мы наблюдаемъ въ древнемъ Египтѣ. Въ производствѣ продуктовъ земледѣлія и именно въ той части этого производства, которая имѣла отношеніе къ орошенію участковъ плодотворными водами Нила, Египетъ дальше—больше естественно долженъ былъ объединяться.

Представляя „протянувшуюся черезъ пустыню полосу плодоносной земли, удлиненный оазисъ, расположенный по берегу рѣки, постоянно снабжающей его необходимою для произростанія влагою“, [2])—Египетъ, полагаютъ его историки, пріютилъ на берегахъ этой рѣки еще въ архаическія времена много разнообраз-

[1]) Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки.

[2]) Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока.

ныхъ племенъ, каждое съ своеобразнымъ оттѣнкомъ своихъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій.

Позднѣе, когда почти вся территорія Нильской долины была уже занята, когда мѣста новымъ пришельцамъ уже не оставалось, а его продолжали всетаки тревожить то бродячія племена Эѳіопіи, то пастушескія орды Гиксовъ, то слагающіеся политически народы передней Азіи,—Египту, чтобы отстоять независимость, приходилось все время быть настороже отъ нихъ, сохранять все время оборонительную позицію. И чѣмъ замѣтнѣе угрожали ему внѣшніе народы, чѣмъ болѣе серьезную опасность внушали они ему, тѣмъ опредѣленнѣе и опредѣленнѣе Египетъ долженъ былъ слагаться въ одно государственное цѣлое. Но это формированіе совершалось постепенно, въ теченіе вѣковъ,—такъ же, какъ измѣнялось и только что указанное обстоятельство.

Египту не пришлось пережить какого-нибудь одного особенно рѣзкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно длительнаго періода, который сразу слилъ бы отдѣльныя племена его въ одинъ народъ; поэтому здѣсь не могло произойти строгаго и вполнѣ законченнаго выдѣленія изъ этихъ племенъ военныхъ и жреческихъ элементовъ, не могла вполнѣ завершиться центральная группировка ихъ, т. е. горизонтальное разслоеніе народа не опредѣлилось здѣсь окончательно.

Этимъ и объясняется та путаница въ религіозныхъ понятіяхъ, которая красною нитью проходитъ черезъ всю почти исторію Египта. Какъ масса, такъ и жречество, ближе здѣсь, чѣмъ въ Индіи, стоящее къ ней, долгое время не можетъ достаточно отрѣшиться отъ

мѣстныхъ племенныхъ, областныхъ боговъ: каждый защищаетъ свои божества, и нѣтъ болѣе или менѣе сложившейся группы, которая, объединяя мѣстные культы, формулировала бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ общую сущность. И только съ теченіемъ времени „жрецы различныхъ школъ, находящихся при храмахъ, рѣшительно настаивая на превосходствѣ своего главнаго божества, не могли не согласиться, что боги другихъ храмовъ представляли много общаго съ ихъ единственными богами; появилось, такимъ образомъ, стремленіе къ возсоединенію различныхъ разсѣянныхъ чертъ божества“ [1]).

Такая религіозная разрозненность массъ шла, надо полагать, въ разрѣзъ съ необходимостью государственнаго объединенія Египта,—необходимостью, создаваемою внѣшнимъ политическимъ моментомъ. Эта разрозненность, мы считаемъ, и являлась тѣмъ грѣхомъ, за который Египетъ,—по словамъ оракула, сказаннымъ третьему строителю пирамидъ—фараону Микерину,—„былъ осужденъ на страданіе въ продолженіе 150 лѣтъ“ [2]). Предшественники Микерина: Хеопсъ и Хефренъ, первые строители величайшихъ пирамидъ, заперли,—пишетъ Геродотъ,—всѣ храмы, воспретили египтянамъ приношеніе жертвъ и заставили всѣхъ работать на себя (надъ постройкою пирамидъ). Они, сказалъ оракулъ, знали объ осужденіи Египта на 150-ти лѣтнее страданіе.

Что руководило этими фараонами: прихоть ли бе-

---

[1]) Ж. Масперо. Ibid.

[2]) Ibid.

зумца, самодурство ли деспота? Гдѣ та власть, которая заставила весь почти народъ отъ мала до велика трудиться въ продолженіе стольких лѣтъ надъ перетаскиваніемъ глыбъ камня?—Это та же власть, которая сплачиваетъ самые разнородные элементы въ одну орду. Въ лицѣ фараоновъ—строителей пирамидъ дѣйствовалъ инстинктъ политическаго самосохраненія массы,--инстинктъ, которому противостояла ограниченность религіознаго ея міросозерцанія. Закрытые храмы, потухшіе жертвенники, напряженная изнурительная работа надъ постройкой колосса,—съ которымъ ничего не связано, кромѣ общности дѣла и имени фараона,—должны были разрушить въ египтянинѣ слѣпую фанатичную приверженность мѣстнымъ культамъ, должны были сосредоточить все его міросозерцаніе, всѣ его помыслы въ одномъ центрѣ: „сынѣ солнца“! Не было бы пирамидъ, не было бы и Египта.

Это политическое объединеніе, связанное съ расширеніемъ міросозерцанія египтянина, объединеніе, разрушающее замкнутость племеннаго строя,—реализуется исторически и въ соотвѣтствующей, какъ мы сказали, технической организаціи орошенія земель. „Нилъ,—говоритъ Э. Реклю [1],—общее достояніе націи, наводняетъ всѣ земли разомъ, и, прежде чѣмъ землемѣры произвели кадастръ почвы, онъ долженъ былъ сдѣлать

[1]) Э. Реклю. Земля и Люди. X т.

также и землю общей собственностью. Ирригаціонные каналы, сдѣлавшіеся необходимыми съ тѣхъ поръ, какъ обработка почвы перешла за черту пояса періодически затопляемыхъ земель, не могутъ быть вырываемы и содержимы въ исправности иначе, какъ массами землекоповъ, работающихъ сообща. Слѣдовательно земледѣльцамъ представляется на выборъ одно изъ двухъ: быть всѣмъ равными общинниками и собственниками земли, или быть всѣмъ рабами господина, туземнаго или иностраннаго. Втеченіе писанной исторіи осуществилось послѣднее"...

Да, египтяне всѣ были рабами одного „сына солнца", всѣ равноправными рабами. Но рабство здѣсь совершенно не то, какимъ мы привыкли его себѣ представлять. Во-первыхъ, это рабство, покоющееся на религіозной вѣрѣ во властелина-фараона, во-вторыхъ, фараонъ не отождествлялся здѣсь съ исполнительной властью. Масперо приводитъ примѣры стачекъ рабочихъ. О какомъ бы то ни было подавленіи ихъ силою нѣтъ рѣчи. Обыкновенно управляющіе общественными работами чиновники упрашиваютъ стачечниковъ вернуться на мѣсто работы и, въ случаѣ если сами не могутъ удовлетворить ихъ требованій, даютъ имъ клятвы, что поведутъ ихъ къ фараону, когда онъ придетъ осматривать работы. Они исполняли клятвы, а фараонъ принималъ жалобы и давалъ то или иное разрѣшеніе вопроса. Со словъ знатоковъ исторіи Египта Л. И. Мечниковъ говоритъ о власти фараоновъ, что „сколько бы мы ни слѣдили за нею въ исторіи, абсолютная власть египетскихъ повелителей представляется намъ на первыхъ страницахъ

исторіи мягкой и человѣчной" [1]). Миръ и благосостояніе народа—вотъ высшая идея лучшихъ фараоновъ. Извѣстное завѣщаніе Аменемхета I-го своему сыну и наслѣднику гласитъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я родился, я ни разу не отступалъ: ни передъ безпорядками въ дворѣ, ни передъ опустошеніемъ саранчи, ни передъ бѣдствіемъ недостатка водъ нильскихъ, когда пересыхали водные запасные резервуары, ни даже тогда, когда, пользуяся твоею молодостью, замышляли противъ меня... Я расширилъ предѣлы земледѣлія до Абу; я разлилъ радость до границъ Аду. Я другъ Непро (богъ урожая); я заставилъ воздѣлывать три породы хлѣбовъ. Нилъ, склонясь на молитвы мои, даровалъ воды на всѣ поля; не было ни одного голоднаго въ царствованіе мое, не было ни одного жаждущаго въ управленіе мое... Я сдѣлалъ такъ, что носящіе трауръ перестали носить его, и что о немъ не стало даже слышно; никто не видѣлъ болѣе безпрестанныхъ войнъ, тогда какъ до меня люди дрались, какъ быкъ, не знающій прошлаго, и ничье благосостояніе—ни невѣжды, ни ученнаго—не было обезпечено... Поддерживай доброе согласіе между твоими подданными, чтобы они не поддались страху... не называй братомъ своимъ только богатаго и знатнаго, но и не приближай къ себѣ перваго встрѣчнаго, дружба котораго еще не испытана" [2]).

---

[1]). Л. И. Мечниковъ. Цивилизація и великія историческія рѣки

[2]) Цитирую частью по Масперо, частью по Мечникову.

Грозный въ своемъ застывшемъ покоѣ, съ высоко приподнятою надъ долиной головою, съ нѣсколько суженнымъ разрѣзомъ глазъ, съ взглядомъ холодно, но неизмѣнно устремленнымъ поверхъ мирно текущей обыденной жизни туда—въ даль, гдѣ въ борьбѣ за сохраненіе формы человѣко-звѣрь уничтожаетъ себѣ подобнаго,—полу-звѣрь, полу-человѣкъ: сфинксъ напоминалъ египтянину о какой то другой жизни, жизни за предѣлами Египта, жизни выходящей изъ границъ мирныхъ занятій дня.

А колоссальныя пирамиды, давящія своей громадой, ограниченныя съ четырехъ сторонъ плоскостями, сходящимися прямыми линіями кверху въ одной точкѣ,—говорили ему о величіи Египта, сосредоточеннаго въ общемъ началѣ—фараонѣ, „сынѣ солнца".

Такой спокойный, замкнутый государственно отъ другихъ народовъ, замкнутый даже въ смыслѣ внѣшней торговли,—Египтъ стоитъ тысячелѣтія. Но по мѣрѣ того, какъ взаимная борьба сѣверо-восточныхъ народовъ ослабѣваетъ, сильная государственность его начинаетъ мало-по-малу тяготѣть въ сторону завоевательную. Отдѣльные фараоны предпринимаютъ рядъ грандіозныхъ военныхъ походовъ.

Изъ массы народа замѣтно выдѣляются воины, какъ привилегированное военное сословіе, а также замѣтнѣе, чѣмъ прежде, выступаютъ жрецы. Фараону—воину приходится теперь больше полагаться во внутреннемъ управленіи на жрецовъ, хранителей старыхъ традицій,—жрецовъ, широко освѣдомленныхъ во внутренней жизни страны. Богатство, блескъ, роскошь двора и

привилегированныхъ сословій растетъ, внѣшняя торговля расширяется, но прежняя государственная мощь, единство подаетъ.

Послѣ 20-ой династіи власть цѣликомъ переходитъ въ руки жрецовъ, которые и назначаютъ царей 21-ой династіи изъ своей среды. Но жреческое сословіе сохранить долго за собою власть не можетъ. Ассирія и Эѳіопія съ ослабленіемъ Египта, не угрожая его существованію вообще, снова тревожатъ его, и жрецы вынуждены уступить власть военному сословію. Египетъ раздробляется, устанавливается двѣнадцативластіе, федеративное правленіе.

Используя для себя и своего сословія традицію, что вся земля принадлежитъ фараону; широко примѣняя въ своихъ личныхъ и классовыхъ интересахъ рабскій трудъ,—мелкіе царьки тѣмъ самымъ отчасти разрушали болѣе или менѣе оформившуюся уже соціально-хозяйственную жизнь народа. Это создало стремленіе къ новому объединенію, которое и осуществилось въ лицѣ Псаметиха, родоначальника 26-ой династіи.

Однако, какъ ни старались цари 26-ой династіи возродить Мемфисскій періодъ, Египетъ не могъ уже подняться на прежнюю высоту. Сбылось оракульское предсказаніе великаго Тати, „мудрѣйшаго изъ мудрыхъ“ Египта: „Божество, озаряющее Кеми, въ свое время возвратится въ небо, и Кеми осиротѣетъ и лишенъ будетъ боговъ своихъ. Могилами и трупами исполнится тогда страна эта, священныя мѣста храмовъ и дома боговъ; и твоимъ невѣрующимъ потомкамъ о твоемъ благосостояніи будутъ свидѣтельствовать только

каменныя слова. Чужеземецъ будетъ владѣть тобою, и священный потокъ будетъ катить въ своихъ берегахъ свои божественныя, но оскверненныя кровью струи; мертвыхъ будетъ больше чѣмъ живыхъ" [1]).

Но тѣ же самыя столкновенія Египта съ народами передней Азіи, которыя косвенно разрушили его самобытную культуру, были вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ [2]) и внутренняго общенія народовъ съ культурой древней страны пирамидъ.

IV.

Послѣ распаденія всемірной монархіи Александра Македонскаго [3]) на сцену исторіи въ качествѣ главенствующаго народа выступаютъ Римляне. Чрезвычайная сложность внутренняго быта ихъ опредѣляется тѣмъ, какъ соціально-хозяйственная жизнь человѣчества оформливалась тогда государственно, т. е. тѣми формами, какія создавали взаимоотношенія народовъ того времени на общемъ фонѣ ихъ хозяйственнаго состоянія.

Связанные нѣсколько остовами—каждый своего специфически сложившагося быта — Восточные народы сравнительно легко отдались во власть Великаго Македонца. Но покорить древній міръ было проще, чѣмъ съорганизовать его въ единое цѣлое.

Геній завоевателя, создавшій тысячныя арміи, вдох-

---

[1]) Цитирую по К. Оппелю: Чудеса древней страны пирамидъ.

[2]) Проф. М. С. Корелинъ. Исторія древняго Востока.

[3]) Мы обходимъ греко-македонскую эру, потому что разсмотрѣніе ея очень усложнило бы нашу работу.

новившій ихъ общей идеей, сгруппировавшій около себя талантливыхъ полководцевъ, однимъ ужъ фактомъ своего явленія импонировалъ Востоку, заставлялъ падать ницъ деспотовъ. Но когда побѣдоносное шествіе завершило циклъ, когда на пути его оставались только безконечные пески пустынь, непроходимыя высоты горъ,—завоеваніе, какъ идея, потеряло свой смыслъ, завоеватель—свое обояніе. Армія распалась. Отдѣльныя части ея, сосредоточенныя въ той или другой изъ покоренныхъ странъ, образовали во главѣ съ полководцами самостоятельныя сатрапіи. Эти сатрапіи мало-по-малу обособились, и между народами наступила прежняя разобщенность.

Если народы разсматриваемаго періода болѣе или менѣе и установились въ извѣстныхъ границахъ взаимоотношеній, если внѣшнія враждебныя ихъ столкновенія не могли уже доходить до полнаго уничтоженія одного другимъ, то отдѣльныя вторженія, частичныя завоеванія и т. д. сохранили еще свою силу. Такое положеніе и создало почву міровового господства Рима, опредѣлило въ этомъ отношеніи роль его. „Главной опорой для римскаго всемірнаго владычества послужила организація всѣхъ вообще древнихъ государствъ. Древній міръ не зналъ международнаго равновѣсія". [1]) Возвеличеніе Италіи, — говоритъ тамъ же Моммсенъ, — „не было результатомъ военныхъ преимуществъ легіона надъ фалангой, а было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ международныхъ отношеній, какія существовали

---

[1]) Ѳ. Моммсенъ. Римская исторія.

въ древности". „Римское всемірное владычество вовсе не было результатомъ гигантскаго замысла, задуманнаго и исполненнаго ненасытною жаждою территоріальныхъ пріобрѣтеній, а было достигнуто римскимъ правительствомъ безъ предвзятаго намѣренія" [1]).

Риму суждено было взять на себя роль мірового администратора, организатора территоріальныхъ отношеній народовъ.

Указанное состояніе народовъ эпохи сложенія мірового Рима обезпечивало большую, сравнительно съ прежними эпохами, возможность дальнѣйшему процессу филогенетическаго развитія соціально-хозяйственной жизни человѣчества и тѣмъ болѣе быстрому темпу развитія таковой у новыхъ народовъ, вступавшихъ въ составъ цивилизованныхъ, т. е. болѣе быстрому темпу онтогенезиса послѣднихъ.

Переходя къ анализу формъ внутренней жизни Рима, отмѣтимъ, что историки политическихъ учрежденій его находятъ характерной для обрисовки этихъ учрежденій и эволюціи ихъ взаимную борьбу группъ изъ-за гражданскихъ правъ, изъ-за политической власти,— борьбу, которая выразилась, во-первыхъ, непосредственной борьбой патриціевъ съ плебеями, во-вторыхъ,— обособленіемъ и вмѣшательствомъ въ эту борьбу вновь народившагося элемента, денежной аристократіи (всадничества), и, наконецъ, борьбу съ Римомъ за тѣ же

---

[1]) Ibid.

политическія права остальныхъ италійцевъ. Но эволюція соціально-хозяйственной жизни римскаго народа и ея связь съ формами римскаго государственнаго устройства можетъ быть выяснена, считаемъ мы, только съ точки зрѣнія противоположности положенія всей массы населенія, пользовавшейся юридически свободой труда, составлявшей, такъ сказать, субстратъ этой соціально-хозяйственной жизни,—противоположности той группѣ, которая силою международныхъ отношеній выдвинулась какъ первенствующая, которая положеніемъ вещей явилась выразительницей внѣшняго, международно-связывающаго момента, къ которой фактически перешли всѣ прерогативы государства. Подчеркиваемъ—фактически, потому что юридически прерогативы государственной власти распредѣлялись въ разное время между разными группами. Такую группу представляли патриціи, пополненные впослѣдствіе нобилями и объединенные сенатомъ—учрежденіемъ, неизмѣнно функціонирующимъ отъ заложенія Рима до паденія Римской имперіи.

Потомки трехъ племенъ, соединившихся около жертвенника Палатинскаго холма, куда каждое изъ нихъ принесло комокъ дорогой ему родной земли [1]) (символъ объединенія принадлежавшихъ родамъ этихъ племенъ земельныхъ участковъ въ одну общую территорію,—символъ, которому суждено было сыграть и роль символа объединенія территоріи всѣхъ народовъ того времени подъ общимъ главенствомъ Рима)—патриціи вте-

---

[1]) Ѳ. Моммсенъ. Римская исторія. I т.

ченіе длительной исторіи возникновенія, формированія и упадка государства являлись ядромъ политическаго единства народа. Даже тогда, когда непрерывный ростъ сферы внѣшней политической жизни Рима,—вызвавъ необходимость соотвѣтствующаго увеличенія военныхъ силъ его,—заставилъ включить въ число гражданъ элементы, не имѣющіе никакого отношенія къ прежнимъ родамъ; когда законы Сервія Туллія, положившіе въ основу гражданскихъ правъ территорію и индивидуальную собственность, окончательно разрушили родовой строй государства; когда наряду съ сенатомъ появились другія столь же полновластныя учрежденія; когда старинные роды юридически какъ бы расплылись среди массы „посторонняго“, „пришлаго“ элемента,—даже и тогда патриціи и сенатъ оставались центромъ, группирующимъ около себя всю жизнь римскаго міра. Фактическое значеніе сената въ этомъ отношеніи нисколько не ослабѣло, а наоборотъ усилилось, такъ какъ на фонѣ разношерстнаго гражданства тѣмъ ярче обрисовывалось центральное сплоченное положеніе знати. Не только въ царскій періодъ сената, когда „объемъ правъ этого совѣта старшинъ опредѣляется тѣмъ воззрѣніемъ, что господство надъ общиною, составившеюся изъ родовъ, по праву принадлежитъ собранію родовыхъ старшинъ“ и когда „каждый изъ членовъ сената также былъ царемъ общины . . . . . . по праву“, [1]) но и въ періодъ республики и въ періодъ имперіи всѣ высшія политическія функціи (кромѣ магистратуры)

---

[1]) Моммсенъ. Римская исторія. I т.

возлагались обыкновенно на членовъ сенаторскихъ фамилій.

Въ первые вѣка республики аристократія, въ лицѣ сената, настолько усилилась, что „противозаконно присвоила общинному совѣту правительственную власть . . . но она оправдала этотъ захватъ тѣмъ, что, если вовсе не геніально, то зорко и твердо управляла кормиломъ государства во время поднятой Аннибаломъ бури и вызванныхъ ею дальнѣйшихъ осложненій; въ это время она доказала всему міру, что властвовать надъ общинной сферой итальянско-эллинскихъ государствъ способенъ только римскій сенатъ и что во многихъ отношеніяхъ только онъ одинъ того достоинъ". [1]) А послѣ битвы при Пиднѣ (168 г. до Р. X.) „весь цивилизованный міръ призналъ римскій сенатъ за высшее судилище, которое чрезъ посредство своихъ комиссій разрѣшало въ послѣдней инстанціи всѣ споры между царями и народами". [2]) И дѣйствительно, только римскому сенату по плечу было исполнять такую роль въ международной жизни того времени.

Всеміpная монархія была немыслима. Каждый отдѣльный сатрапъ, какъ мы видѣли, положеніемъ вещей обращался въ концѣ концовъ въ самостоятельнаго царька. Гражданинъ Рима, посылаемый сенатомъ въ провинцію, также обращался въ царька, но онъ оставался въ то же время и гражданиномъ Рима,—онъ

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

соединялъ въ себѣ царя и республиканца, былъ царемъ отъ республики. Поэтому не разрывалась и административная связь провинціи съ Римомъ, не смотря на изолированность провинціи. „Римъ посылалъ,—говоритъ Фюстель-де-Куланжъ,—[1]) одного изъ своихъ гражданъ въ какой-либо край; изъ этого края онъ дѣлалъ провинцію для этого человѣка, т. е. предметъ его должности, его личной заботы, его личнаго дѣла; таковъ смыслъ слова provincia на древнемъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручалъ этому гражданину imperium; это значило, что онъ отступался въ его пользу на опредѣленное время отъ своей верховной власти на эту страну... Вотъ до чего велика была власть правителя. Онъ былъ живой законъ“.

Такой характеръ государственно-административныхъ учрежденій Рима создавала взаимная жизнь народовъ того времени. Такой же характеръ носятъ даже учрежденія чисто внутренней политической жизни его: консулы, трибуны... Здѣсь внутренняя жизнь сливается въ одно съ внѣшней, духъ римскаго народа съ духомъ международныхъ отношеній. Въ этомъ начало господства римской цивилизаціи.

Но взаимосвязь внутреннихъ учрежденій Рима съ внѣшней международной жизнью той эпохи не ограничивается только грубой формою политическихъ учрежденій,—она идетъ дальше, проникаетъ въ глубины со-

---

[1]) Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община.

ціально-хозяйственнаго строя Италіи. Соціально-хозяйственная изолированность отдѣльныхъ народовъ, объединенныхъ Римомъ,—изолированность, въ границахъ занятой каждымъ народомъ территоріи,—отражается соотвѣтствующимъ складомъ италійскаго хозяйства, и это обнаруживается тѣмъ ярче, чѣмъ опредѣленнѣе вырисовывается міровая роль Рима, именно,—къ періоду послѣднихъ вѣковъ республики.

Начало становленія указанной связи надо видѣть въ постепенной концентраціи земель въ рукахъ отдѣльныхъ сенаторскихъ фамилій, въ постепенномъ сосредоточеніи и замыканіи здѣсь около нихъ всей хозяйственной жизни страны. „Однимъ изъ первостепенныхъ вопросовъ соціальной исторіи древняго Рима является развитіе аграрныхъ отношеній..... центральнымъ явленіемъ, проходящимъ черезъ всю эту исторію, было образованіе крупнаго землевладѣнія" [1]). Этой же національно-административной формой государственности, сосредоточившей всѣ нити хозяйственныхъ операцій въ рукахъ представителей родовыхъ фамилій, объясняется борьба Рима съ проникновеніемъ во внутреннюю жизнь посторонняго торговаго элемента и вообще борьба его съ самостоятельными торговыми народами.

Встрѣчаются указанія на существованіе еще въ древнѣйшія времена въ Италіи „крѣпкого" крестьянства; историки говорятъ о ярмаркахъ-базарахъ, о замѣтномъ обособленіи свободнаго ремесла отъ земледѣлія. Од-

---

1) Н. Карѣевъ. Книга г. Гревса о римскомъ зевлевладѣніи. Рус. Бог. 900 г. IV.

нимъ словомъ, есть основаніе говорить о развитіи мѣстной соціально-хозяйственной жизни, о ростѣ внутренняго раздѣленія труда объ образованіи отдѣльныхъ мѣстныхъ соціально-хозяйственныхъ единицъ, сплоченныхъ взаимнымъ раздѣленіемъ труда и обмѣномъ—единицъ до извѣстной степени свободныхъ отъ проникновенія первое время въ нихъ государственности Рима. Здѣсь же создавалась почва для возникновенія поселковъ болѣе ремесленнаго характера,—характера мѣстныхъ городковъ, сосредоточивавшихъ постепенно въ себѣ и всякаго рода пришлый элементъ, позднѣе даже иноземный. „Многіе изъ финикійскихъ купцовъ водворялись въ чужихъ городахъ, гдѣ они служили посредниками въ простыхъ и надежныхъ сношеніяхъ съ иноземными странами и гдѣ пріобрѣтали недвижимую собственность и привилегіи“ [1]). Слагавшаяся такимъ образомъ свободная внутренняя хозяйственная жизнь, разроставшаяся территоріально, въ связи съ раздѣленіемъ труда,—втягивалась путемъ проникновенія иностранныхъ торговыхъ элементовъ, втягивалась во внѣшнюю международную жизнь.

На сколько замѣтенъ былъ этотъ процессъ, можно судить по тяготѣнію мѣстныхъ приморскихъ городовъ Италіи къ независимости отъ Рима, по тяготѣнію—противъ котораго древнему Риму пришлось заключать договоръ съ Карѳагеномъ (разрушеннымъ потомъ имъ же), обязующій послѣдній покорять и отдавать римлянамъ приморскіе италійскіе города, въ случаѣ если

---

[1]) А. Беръ. Исторія всемірной торговли.

они отпадутъ. Напомнимъ, что договоръ Рима съ Карѳагеномъ былъ направленъ вообще противъ торговыхъ городовъ и государствъ, соперниковъ Карѳагенъ.

Но внутренней хозяйственной жизни италійцевъ пришлось столкнуться съ внѣшней международной жизнью и иначе, а именно—въ формѣ проникающей сюда общей для полуострова государственно-административной организаціи, создававшейся, какъ мы видѣли, тоже на почвѣ внѣшней международной жизни Рима, времени второй половины республики. И послѣдняя форма проникновенія внѣшней международной жизни временно взяла верхъ надъ первой.

Мы уже сказали, что таковое проникновеніе выражалось сосредоточеніемъ земель, а потомъ и всей хозяйственной жизни въ рукахъ сенаторскихъ фамилій, въ вытѣсненіи послѣдними самостоятельнаго мелкаго хозяйства. „Моммзенъ первый замѣтилъ, а Фюстель-де-Канжъ первый показалъ особенно ярко и наглядно, что... „связку" отдѣльныхъ fundi, постепенно скрѣпленныхъ другъ съ другомъ, благодаря постепенному же приспособленію ихъ однимъ болѣе богатымъ и счастливымъ собственникомъ, представляло обыкновенно италійское большее частное помѣстье. Причемъ объединявшіеся такимъ образомъ fundi не теряли тотчасъ же своей отдѣльности: они долго жили каждый прежнимъ именемъ, находясь только въ рукахъ одного господина... первоначально происходило лишь механическое соединеніе ихъ. Только мало-по-малу главный fündus подчинилъ своему имени и своему типу эксплуатаціи весь образовавшійся

аггрегатъ“ [1]). Съ вытѣсненіемъ самостоятельнаго мелкаго хозяйства шло вытѣсненіе свободнаго труда и замѣна его рабскимъ. Въ крупныхъ же хозяйствахъ патриціевъ сосредоточивались мало-по-малу и ремесла. Такимъ образомъ формируются latifundii.

Въ болѣе узкомъ смыслѣ, это понятно и съ точки зрѣнія организаціи военныхъ силъ Рима. Пока завоеванія римлянъ не выходили еще изъ границъ территоріи полуострова, пока расходы на вооруженіе и т. д. ложились непосредственно на самихъ гражданъ (каждый долженъ былъ являться въ своемъ вооруженіи и содержать себя во время войны), до тѣхъ поръ государственная необходимось требовала извѣстной хозяйственной состоятельности всѣхъ гражданъ. Въ это время съ вопросомъ объ увеличеніи военныхъ силъ связывается вопросъ объ обезпеченіи всѣхъ землею. „Въ древности дѣленіе національнаго имущества было только количественное, различное только по величинѣ частей, которыя по большей части опредѣлялись размѣрами землевладѣнія“ [2]). Чѣмъ дальше же разросталась территорія римскаго господства, чѣмъ больше стекалось въ Римъ изъ покоренныхъ провинцій богатствъ,—тѣмъ, во-первыхъ, больше требовалось войскъ, болѣе постоянное участіе гражданъ въ ихъ рядахъ, почему въ хозяйственной жизни граждане должны были замѣняться рабами; во-вторыхъ—тѣмъ бо-

---

[1]) И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи Римскаго землевладѣнія.

[2]) Родбертусъ. Изслѣдованіе въ области національной экономіи классической древности.

лѣе всѣ расходы по содержанію арміи могли быть обезпечиваемы государствомъ изъ общихъ сборовъ, и индивидуальная, хозяйственная состоятельность гражданъ теряла, слѣдовательно, свое значеніе, какъ условіе боевой готовности государства.

Объединяя отдѣльные fundi въ latifundii, крупные владѣльцы отрѣзывали этимъ самымъ, такъ сказать, города отъ „земли“ и, входя въ непосредственныя отношенія съ центромъ римскаго міра, подчиняли постепенно себѣ и эти города. „Нерѣдко цѣлыя муниципальныя общины признавали себя вынужденными въ видахъ охраны своихъ интересовъ вступать въ подчиненіе къ ближайшимъ сильнымъ господамъ земли“ [1]. Такимъ образомъ, по словамъ Моммзена, частныя латифундіи постепенно превращались со всей подчиненной округой въ своего рода самостоятельныя княжества, замкнутыя въ себѣ и непосредственно подчиненныя Риму. Это сложное учрежденіе съ патерфаміліасомъ во главѣ и представляетъ тотъ ойкосъ, о которомъ говорятъ Родбертусъ и Бюхеръ.

Римское государство ко времени паденія республики являлось, по извѣстному выраженію Фюстель-де-Куланжа, союзомъ нѣсколькихъ сотъ могущественныхъ домовъ, раздѣлившихъ между собою экономическую эксплуатацію и политическое господство надъ міромъ. „Фактически въ качествѣ „populus Romanus“ выступали, собственно говоря, одни знатные и богатые

---

[1]) И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи Римскаго землевладѣнія.

вожди, которые въ экономическомъ отношенiи именно и являлись „крупными ойкосными господами“ [1]).

Мы подошли къ ойкосной формѣ государственности Рима. Если сравнимъ ее съ кастовой формой государственности Индiи, то увидимъ, что здѣсь,—такъ же, какъ и тамъ,—государство распадается на отдѣльныя замкнутыя части; тамъ,—при кастовой формѣ,—реальнымъ носителемъ государственнаго единства являлось жречество, здѣсь—патрицiатъ, объединенный сенатомъ; и тамъ и здѣсь въ основанiи расчлененiя лежитъ господство „крови“. Но здѣсь внѣшнимъ международно-обусловливающимъ моментомъ государственности является организацiя нѣкоторой территорiальной устойчивости, опредѣленности народовъ,—поэтому признакомъ, грпупирующимъ элементы государства внутри, также является территорiя, сосредоточенная въ рукахъ патерфамилiаса.

И кастовая и ойкосная форма государственности, внося въ народную жизнь страны извѣстныя перегородки, разрѣзая ее на замкнутыя изолированныя части,—тѣмъ самымъ становится на пути внутреннему свободному росту общественнаго раздѣленiя труда, т. е. внутреннему росту соцiально-хозяйственной связи народа. Поэтому и ойкосная форма должна была, въ концѣ концовъ, пасть, перейдя предварительно чрезъ имперiю.

---

[1]) Ibid.

Къ этому надо добавить, что терялось мало-по-малу и международное значеніе Рима, какъ административнаго центра, терялось—по мѣрѣ само собой устанавливавшейся территоріальной устойчивости народовъ, въ связи съ соціально-хозяйственнымъ сложеніемъ ихъ.

Дѣйствительно, первые же императоры считали себя призванными исправлять недостатки ойкосной организаціи. Они являлись, по выраженію Родбертуса, мясниками, которые, конфискуя нѣкоторыя земельныя владѣнія аристократіи и раздѣляя ихъ на части, прилагали всѣ усилія, чтобы снова воскресить крѣпкое крестьянство. Въ то-же время „они способствовали насажденію и распространенію повсемѣстно городской формы общежитія, устраивали мѣстные рынки, возбуждая производство, поднимая соціальную бодрость земскихъ людей, развивая муниципальное самоуправленіе, т. е. отдавая руководство и веденіе мѣстнаго хозяйства въ мѣстныя руки“ [1]). Этимъ самымъ они облегчали также доступъ внутрь страны иноземному торговому элементу съ его богатствами, задавленному до сихъ поръ здѣсь ойкосомъ.

Мало-по-малу въ руки этого пришлаго торговаго элемента, соединившагося съ аналогичнымъ мѣстнымъ (всадничество) перешла вся внѣшняя торговля; въ зависимость отъ нихъ же попали и ремесла, сосредоточившіяся въ образованныхъ названными элементами городахъ. „Единство въ производствѣ античныхъ до-

---

[1]) И. М. Гревсъ. Ibid.

мохозяйствъ стало распадаться и начало прокладывать себѣ дорогу... качественное раздѣленіе національнаго имущества и національныхъ доходовъ"... [1]).

V.

Этотъ моментъ появленія и развитія торговаго сословія, какъ такового, является весьма важнымъ. У всѣхъ,—болѣе древнихъ народовъ и у несложившихся еще новыхъ,—купецъ обыкновенно являлся „гостемъ", „иноземцемъ". Развитіе этого элемента, какъ элемента международныхъ сношеній, пріобрѣтаетъ, мы увидимъ, въ послѣдующій историческій періодъ особое значеніе. Поэтому раньше чѣмъ перейти къ цивилизаціи современныхъ европейскихъ народовъ, возвратимся еще къ тѣмъ торговымъ народамъ, которые, видѣли мы, образовывали города—государства вродѣ Сидона, Тира, потомъ Кареагена и т. д.

По характеру мѣста, занимаемаго ими въ международной жизни, они, мы говорили,—не сложившись въ цѣльныя соціально-хозяйственныя единицы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отличаясь количественно военной силой,—сконцентрировали у себя значительныя богатства. Представляя, въ смыслѣ внутренней жизни, конгломератъ отдѣльныхъ замкнутыхъ хозяйственныхъ группъ съ патріархальнымъ укладомъ, организаціей,—они сосредоточили у себя большое разнообразіе ремеслъ.

---

[1]) Родбертусъ. Изслѣдованіе въ области національной экономіи классической древности.

Но это разнообразіе ремеслъ возникло, однако, не на почвѣ внутренняго роста общественнаго раздѣленія труда, а обусловливалось разнообразіемъ хозяйственной физіономіи тѣхъ отдѣльныхъ народовъ, посредниками между которыми выступали эти торговые народы, иначе говоря—разнообразіемъ потребностей отдѣльныхъ государствъ и ихъ привилегированныхъ классовъ. Здѣсь, въ этихъ городахъ—государствахъ были, такъ сказать, представлены всѣ наиболѣе интересныя для торговаго обмѣна производства разныхъ странъ, представлены первоначально даже путемъ простого ввоза изъ послѣднихъ странъ соотвѣтствующихъ искусныхъ ремесленниковъ въ видѣ рабовъ.

Такой типъ на столько отвѣчаетъ функціи международныхъ торговыхъ городовъ, что онъ сохраняется и въ позднѣйшія времена. Аналогичные новые города отличаются, главнымъ образомъ, отъ древнихъ только большей свободой ремесленнаго труда, большей, такъ сказать, его автономностью. Таковъ типъ Генуи, Флоренціи, Венеціи, Пизы и другихъ, таковы же города, заложенные еще въ эпоху римскаго владычества на южномъ и западномъ побережьи Европы. Въ этой общности характера ихъ мы видимъ родственную связь цехового строя среднихъ вѣковъ съ древнимъ кастово-племеннымъ.

О роли такого рода городовъ въ современной цивилизаціи мы будемъ говорить дальше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Великое передвиженіе народовъ, подъ волнами котораго было погребено господство Римскаго Міра, передвиженіе народовъ тевтонской расы и слѣдующихъ за ними гунновъ, вытѣсненіе однихъ другими, распредѣленіе по территоріи—является эпохой хаотическаго состоянія жизни Европы, эпохой, тянувшейся нѣсколько вѣковъ и отозвавшейся нѣкоторой неопредѣленностью же и во внѣшней жизни народовъ древняго міра, объединенныхъ прежде главенствомъ Рима.

Только торговые народы или, вѣрнѣе, интернаціональные торговые элементы, продолжая циркулировать въ промежуткахъ стараго и новаго міра, остаются теперь связующимъ ихъ до извѣстной степени ферментомъ. Тутъ возникла и мало-по-малу расцвѣла Венеція и другіе города-государства.

Но ослабленіе господства римской цивилизаціи воскресило воинственность Востока. Вдохновленные Магометомъ, поднимаются тамъ и двигаются на западъ Арабы, а потомъ и Турки. Это создало моментъ, который объединилъ новую Европу, не опредѣлившуюся еще окончательно территоріально, съ древнимъ греко-римскимъ міромъ подъ общимъ девизомъ христіанства, подъ

общимъ главенствомъ папы, объединилъ въ союзъ „totius mundi christianorum“ [1]). Впрочемъ, опасность Востока не была такъ велика для Европы, какъ часто говорятъ о ней. Она чувствовалась только какъ общая угроза, какъ нѣкоторое только напоминаніе „крови“. Запасъ внутренней энергіи новыхъ народовъ искалъ себѣ выхода въ соціально-хозяйственномъ творчествѣ.

Вотъ обстановка, выдвинувшая на сцену новой цивилизаціи сложную фигуру Карла Великаго. „Карлъ Великій, одно изъ самыхъ колоссальныхъ явленій всемірной исторіи, поставилъ себѣ задачею соединить всѣ германскія племена въ одну цѣльную державу“ [2]). Онъ „съ большимъ вниманіемъ относился ко всѣмъ, сохранившимся съ римскихъ временъ, полезнымъ ремесламъ и фабрикамъ и увеличиваль ихъ число новыми заведеніями. Во всѣхъ значительныхъ императорскихъ помѣстьяхъ были, по его предписанію, кузнецы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, сапожники, мыловары, пивовары, хлѣбопеки и веревочники... Для постройки своихъ дворцовъ и другихъ сооруженій Карлъ Великій вызывалъ зодчихъ и рабочихъ изъ всѣхъ окрестныхъ странъ“ [3]). „Въ своемъ капитуляріи „De villis“, онъ издалъ цѣлый рядъ весьма детальныхъ предписаній, касающихся пчеловодства, сельскаго хозяйства, птицеводства и винодѣлія, веденія правильнаго счетоводства и сбереженія запасовъ къ слѣдующему году... Первый

---

[1]) Вс. Даневскій. Система политическаго равновѣсія.

[2]) А. Беръ. Исторія всемірной торговли.

[3]) I. Янсенъ. Экономическое, правовое и политич. состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи.

торговый трактатъ въ исторіи англійской торговли былъ заключенъ именно Карломъ В. съ Оффой, королемъ Мерсіи" [1]).

Подобно древнимъ фараонамъ, Карлъ Великій соединялъ въ себѣ выдающагося государственнаго человѣка съ замѣчательнымъ хозяиномъ; подобно фараонамъ Египта, онъ стремился направить коллективную энергію народа,—до извѣстной степени свободную отъ войны,—направить въ русло производственной дѣятельности; подобно лучшимъ изъ нихъ, заботившимся объ разведеніи „новыхъ сортовъ пшеницы",—онъ, мы видимъ, входитъ въ мельчайшія детали народно-хозяйственной жизни.

Какъ ни неожиданно, можетъ быть, наше заключеніе, но въ періодѣ нѣсколькихъ столѣтій государственной жизни Европы, начиная съ Карла Великаго, мы видимъ сходные моменты съ характеромъ цивилизаціи Египта древнѣйшей эпохи. Европейская цивилизація этого періода, какъ и египетская въ свое время, не охватывала весь міръ народовъ, не покоилась на міровомъ господствѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ разной только степени, объединяющимъ государственно моментомъ было внѣшнее движеніе Востока, противъ котораго необходимо было занять оборонительную позицію. Какъ тамъ, такъ и здѣсь государство не разложилось еще на замкнутые обособленные части.

И, если мы обратимся къ памятникамъ искусства этого періода, реальному воплощенію психологическаго

---

[1]) Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы.

единства народной жизни, мы увидимъ въ прямыхъ, сходящихся кверху линіяхъ готическаго стиля внутреннюю близость линіямъ пирамидъ. А загадочный и для нашего времени титанъ мысли, Леонардо-да-Винчи,—проникнувшій своимъ взоромъ въ глубины какъ далекаго прошлаго человѣка, такъ и грядущаго,—въ образѣ женской головки воплотилъ духовное родство древняго міра новому. „Въ его женскихъ головкахъ чувствуется какое-то совершенно своеобразное таинственное выраженіе, лица, иногда смахивающее на мистическую экспрессію египетскихъ сфинксовъ; прорѣзъ глазъ, оригинальныя брови, полуулыбка, блуждающая на согнутыхъ губахъ, взглядъ или загадочный, или скрытый опущенными вѣками,—все это позволяетъ сразу угадывать и отмѣчать Да-Винчи отъ другихъ мастеровъ“ [1]). „Несмотря на свѣтлые весенніе тона пейзажа, Джіоконда кажется вышедшей изъ темнаго подземелья“ [2]). И, именно, въ образѣ женщины—чуткой къ кровной близости, женщины—объекта культа рыцарства и католической церкви.

Но древній міръ воскресъ теперь послѣдній разъ въ исторіи человѣчества. Великое передвиженіе народовъ—послѣднее великое передвиженіе. Народы, какъ цѣлое, остановились въ своихъ территоріальныхъ грани-

---

1) П. П. Гнѣдичъ. Исторія искусствъ.

2) А. Л. Волынскій. Леонардо-да-Винчи. (Слова старика, встрѣченнаго г. Волынскимъ; хотя пониманіемъ Джіоконды самимъ г. Волынскимъ далеко нельзя удовлетвориться).

цахъ, оформливаясь дальше и дальше въ соціально-хозяйственное цѣлое. Имперія быстрыми шагами идетъ къ упадку. Въ лицѣ Максимиліана I-го, „послѣдняго рыцаря—императора“, всю свою жизнь мечтавшаго объединить христіанскій міръ для борьбы съ невѣрными, мы видимъ живой этому примѣръ. Всѣ его призывы, совмѣстно съ Піемъ II, къ новому крестовому походу разбиваются объ упорное равнодушіе къ нимъ окружающаго.

А тамъ въ нѣдрахъ народной жизни, зародившись первичными формами еще въ отдаленныя времена, соціально-хозяйственное начало съ новой энергіей непочатыхъ силъ развивалось вширь и вглубь, стремясь какъ бы онтогенетически пройти всѣ стадіи филогенезиса человѣчества, чтобы расцвѣсть въ новыя, невѣдомыя древнему міру формы. „Въ дѣйствительности изображаемый періодъ представляется между-народными и государственными родами стараго и новаго времени, какъ бы переходнымъ между двумя различными флорами и фаунами. Если сравнивать.... только поверхностно и бѣгло обозрѣвать лежащее между ними пустое поле, то можно придти къ заключенію, что потокъ народнаго переселенія сразу смылъ всю прежнюю соціальную жизнь, и изъ хаоса разрушенія внезапно возникли, какъ-бы чрезъ generatio aequivoca, совершенно новыя государства. Тѣмъ не менѣе это воззрѣніе было бы столь же ошибочно для обозначеннаго періода, какъ оно ошибочно и для геологіи. Также и соціальная жизнь нигдѣ не теряетъ своей связи въ такіе періоды преобразованія. Только существующая оболочка ея дѣ-

лается смятою и изорванною. Внезапно перемѣщенная въ суровую атмосферу измѣненныхъ и даже враждебныхъ условій она, хотя продолжаетъ нѣкоторое время влачить свое существованіе, но только ея политическіе органы хилѣютъ и вымираютъ. Подъ этимъ истлѣвающимъ покровомъ тлѣетъ божественная искра единства, настоящая соціальная жизненная сила, которая одна въ состояніи возвысить атомическій аггрегатъ до живой индивидуальности“ [1]).

II.

Въ свое время Тацитъ говоритъ о германцахъ, какъ уже объ осѣдлыхъ, не строящихъ еще городовъ, но селящихся группами семействъ,—соотвѣтственно близости родового происхожденія,—занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Въ основныхъ чертахъ своего бытового устройства они нѣсколько отличаются отъ предшествовавшихъ древнихъ народовъ. Хотя населеніе здѣсь тоже дѣлится на свободныхъ и несвободныхъ, но туземныя покоренныя племена находятся въ иномъ положеніи относительно завоевателей, чѣмъ у древнихъ. Въ то время,—какъ у послѣднихъ всѣ завоеватели составляютъ обыкновенно высшій классъ, часто совершенно свободный отъ всякихъ занятій кромѣ войны и внутренняго управленія, классъ, въ значительной степени живущій на счетъ труда рабовъ и военной теку-

---

[1]) Родбертусъ. Изслѣдованіе въ области національной экономіи классической древности.

щей контрибуціи съ покоренныхъ народовъ,—германцы, поселившись на захваченной ими территоріи, сами занимались хозяйствомъ. Относительно Эльзаса, напримѣръ, Зиберъ говоритъ, что „изъ однихъ мѣстъ туземныя племена изгонялись, въ другихъ они только должны были потѣсниться и, слившись съ побѣдителемъ, уступить ему часть собственной территоріи“ [1]). Хотя свободными и здѣсь признаются главнымъ образомъ одни завоеватели, хотя во время войны только они вступаютъ еще въ ряды войскъ, но войны въ это время не составляютъ уже общаго правила, не поглощаютъ собою жизни германцевъ, почему послѣдніе, за исключеніемъ нѣкоторой только части,—военачальниковъ съ близкими имъ группами (впослѣдствіе: короли, князья, графы и т. д.),—мало отрываются отъ своихъ полей. Покоренные туземцы находятся не въ рабской, а въ крѣпостной зависимости. За пользованіе землею имъ приходится отдавать часть своего труда королямъ, князьямъ и т. д., въ видѣ оброка или въ видѣ исполненія на земляхъ послѣднихъ барщины. Это былъ своего рода налогъ на туземныхъ жителей, не принимавшихъ личнаго участія въ защитѣ страны. „Въ эпоху Тацита они дѣлаютъ съ покореннымъ ими кельтическимъ или до-арійскимъ населеніемъ то же, что въ V вѣкѣ они дѣлаютъ съ галло-римскими коллонами и glebae adscripti: они сохраняютъ за ними ихъ надѣлы и требуютъ только приношеній продуктами“ [2]).

---

[1]) Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій.

[2]) М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. I т.

„Общій всѣмъ германскимъ народностямъ обычай селить рабовъ съ ихъ семьями среди воздѣлываемыхъ ими полей—специфическое отличiе отъ римлянъ" [1]). Свободные же въ это время не несли еще почти никакихъ повинностей и налоговъ, кромѣ личнаго участія въ войнѣ. Впрочемъ, соотвѣтственно этому, они и не пользовались тогда еще никакими услугами со стороны государства, если не считать внѣшней обороны. Короли, князья, графы... существовали у нихъ на случай войны и какъ потомки прежнихъ военачальниковъ. Общины въ своихъ дѣлахъ пользовались абсолютнымъ самоуправленіемъ. „Общинныя повинности ограничивались ничтожною суммою въ 70 ливровъ, которые уплачивались Фогту за протекцію, и лошадью, которая давалась въ ссуду императору во время войны, въ видѣ доказательства зависимости отъ имперіи [2]). Имперія управлялась, сказалъ кто-то, въ извѣстномъ смыслѣ сама собою.

Если мы окинемъ общимъ взоромъ Европу этого времени, народная жизнь ея обрисуется, какъ включающая два начала, строго обособленныхъ, разобщенныхъ между собою. Представителями одного начала являются разбросанныя по всей странѣ, замкнутыя, изолированныя общины свободныхъ людей, близкихъ между собою родственно и отчасти объединенныхъ

---

[1]) Ibid. т. II.

[2]) Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій.

зачатками взаимнаго раздѣленія труда—общины, внутри которыхъ всѣ работы исполняются усиліями собственныхъ членовъ. Представителями другого начала являются хозяйства привилегированныхъ семей, имѣющихъ много земли, пользующихся для обработки ея обязательнымъ трудомъ покоренныхъ туземныхъ жителей,—хозяйства независимыя отъ общины. Первое начало—начало соціально-хозяйственное въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, второе—военно-государственное. Въ исторической жизни Европы мы наблюдаемъ параллельное развитіе этихъ двухъ началъ. Каждое изъ нихъ прошло путь своего онтогенезиса и во взаимномъ сочетаніи съ другимъ дало тотъ или другой моментъ ея цивилизаціи.

Въ обозрѣваемую нами эпоху наблюдается возобновленіе старыхъ полуразрушенныхъ городовъ римскаго періода и возникновеніе новыхъ на приморскихъ окраинахъ Европы и, вообще, при удобныхъ путяхъ сообщенія—городовъ, развившихся потомъ въ великіе вольные международные города.

III.

Хотя обычно много удѣляютъ вниманія вопросу о раздѣленіи труда въ общественной жизни, но всетаки его недостаточно глубоко анализируютъ. Вполнѣ, конечно, понятно, что въ связи съ раздѣленіемъ труда стоитъ обмѣнъ, что разнообразіе предметовъ, выходящихъ изъ рукъ отдѣльнаго производителя, съ раздѣленіемъ труда уменьшается, что трудъ каждаго посте-

пенно упрощается, направляясь все болѣе и болѣе на опредѣленные только предметы, часть которыхъ производитель отдаетъ другимъ, получая взамѣнъ недостающіе ему. Но нѣсколько въ тѣни остается вопросъ,— гдѣ тѣ нити взаимнаго пониманія, которыя связываютъ между собою обмѣнивающихся? какими путями устанавливаются между ними нѣкоторыя, вполнѣ опредѣленныя соціально-хозяйственныя взаимоотношенія? Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, чѣмъ болѣе глубокаго отвѣта мы на него требуемъ, отвѣта—въ смыслѣ уясненія того соціально-хозяйственнаго сродства, соціально-хозяйственнаго единства, которое создается въ обществѣ съ ростомъ взаиморазделенія труда, взаимообмѣна. На первыхъ страницахъ этой работы мы сказали: „Всякій продуктъ, поскольку онъ созданъ приложеніемъ труда къ внѣшней природѣ въ соціальной обстановкѣ, несетъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго психологическаго момента индивидуума; индивидуумъ въ немъ такъ или иначе невольно реализуетъ свой внутренній міръ, вкладываетъ въ него свою идею. Чтобы продуктъ былъ принятъ другимъ, понятъ имъ, необходимо уже какое-то внутреннее, можетъ быть, сверхъ-сознательное пониманіе индивидуумовъ другъ другомъ. Изъ этого ужъ надо заключить, что въ связи съ раздѣленіемъ труда, обмѣномъ его продуктами стоитъ нѣкоторая общность внутренняго міра жизни цѣлой группы, реализующаяся также въ частности соотвѣтствующимъ общимъ вѣрованіемъ, обычаемъ, правиломъ, находящая себѣ соотвѣтствующее выраженіе и въ орудіяхъ труда или, какъ говоримъ мы,—въ

техникѣ". Мы не можемъ сейчасъ долго останавливаться на выясненіи поставленнаго нами вопроса, не можемъ дать здѣсь болѣе или менѣе исчерпывающаго анализа его (соотвѣтственно требованіямъ современной философіи и психологіи), дабы не нарушить общей концепціи работы. Мы будемъ возможно кратки.

Когда продуктъ труда завоевалъ уже себѣ опредѣленный контингентъ потребителей, опредѣленный рынокъ, то взаимное пониманіе,—которое подготовляетъ почву распространенія продукта и, слѣдовательно, почву роста раздѣленія труда,—овеществлено уже для этого рынка въ формѣ даннаго продукта и закрѣплено изобрѣтеніемъ соотвѣтствующихъ орудій его производства. Но первоначальный моментъ пониманія, возникающій въ психологіи индивида, создающаго продуктъ, какъ общая идея, имѣетъ болѣе глубокіе корни въ непосредственномъ интуитивномъ пониманіи людьми другъ друга. Даже соціологъ такого направленія, которое не особенно много отдаетъ вниманія интересующему насъ вопросу, именно—Л. Гумпловичъ говоритъ: „Величайшая ошибка индивидуалистической психологіи заключается въ предположеніи, будто мыслитъ человѣкъ... Онъ можетъ мыслить только такъ, какъ необходимо его заставляютъ ассоціирующіяся въ его мозгу вліянія окружающей его среды." [1])

На первобытной ступени хозяйства, при упрощенномъ раздѣленіи труда; на ступени хозяйства, называемаго натуральнымъ, которое можно характеризовать

---

[1]) Л. Гумпловичъ. Основы соціологіи.

формулой: „все производитъ у себя, все находитъ у себя, себя только знаетъ и отъ себя только зависитъ",— совокупность лицъ, охватываемыхъ этимъ хозяйствомъ, очень невелика, и послѣднія находятся въ постоянномъ непосредственномъ общеніи между собою. Когда же раздѣленіе труда и обмѣнъ выходитъ за границы, напримѣръ, отдѣльной общины,—дѣло значительно измѣняется. Первоначально это расширеніе не охватываетъ всей совокупности хозяйственныхъ функцій общины, не проникаетъ во всю соціально-хозяйственную жизнь ея,—оно выражается только нѣкоторымъ добавочнымъ специфическимъ трудомъ и его продуктами, вносимыми извнѣ. „У нихъ (примитивныхъ земледѣльческихъ народовъ) прежде всего встрѣчаемъ полный круговоротъ хозяйственной жизни внутри домашняго и земледѣльческаго хозяйства. Всѣ предметы питанія, одѣянія и утвари въ своихъ главныхъ составныхъ частяхъ суть продукты собственнаго хозяйства. Только медленно начинаютъ проникать въ него въ видѣ отдѣльныхъ рѣдкостей: утварь, оружіе, приправы, позднѣе одежда, комнатное убранство и т. п.". [1]) Здѣсь мы встрѣчаемъ странствующихъ ремесленниковъ: ткачей, красильщиковъ, кожевниковъ, портныхъ и т. д., которые,—переходя изъ деревни въ деревню, знакомясь съ населеніемъ болѣе или менѣе обширной территоріи, присматриваясь къ его потребностямъ и т. д.,—создаютъ своеобразный продуктъ, общій всей совкупности отдѣльныхъ хозяйствъ. Мало-по-малу самостоятельное производство

---

[1]) Г. Шмоллеръ. Народное хозяйство.

аналогичныхъ продуктовъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ атрофируется, трудъ ихъ постепенно сосредоточивается въ болѣе ограниченной сферѣ дѣятельности, и связь взаимнаго раздѣленія труда входитъ въ свою силу. Пониманіе тутъ, мы видимъ, устанавливается также непосредственнымъ знакомствомъ соотвѣтствующихъ элементовъ. Но если мы пойдемъ дальше, если представимъ себѣ все то разнообразіе спеціальныхъ формъ приложенія труда, всю сложность взаимоотношеній, которая создается съ ростомъ раздѣленія труда, да къ этому еще добавимъ постепенное упроченіе ремеслъ въ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ только пунктахъ,—нити хозяйственнаго взаимнаго пониманія массъ, втянутыхъ въ циклъ взаимо-обмѣна и раздѣленія труда, какъ будто, прерываются, утрачиваются. Правда, нѣкоторымъ коррективомъ въ этомъ отношеніи могутъ служить ярмарки, базары, на которые собирается періодически населеніе той или другой округи и которые пріурочиваются къ пунктамъ сосредоточенія ремеслъ, но таковые носятъ до извѣстной степени случайный характеръ и въ смыслѣ времени и въ смыслѣ контингента лицъ, собирающихся сюда. Въ рыночныхъ правилахъ этого времени мы усматриваемъ даже указанія на такого рода роль рынковъ—въ правилѣ, напримѣръ: „покупать публично и изъ первыхъ рукъ“. [1]) Подобную же, собственно, роль играло когда-то и обязательное предварительное странствованіе ремесленника въ теченіе опредѣленнаго срока, какъ условіе зачисленія

---

[1]) К. Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства.

въ цехъ. Но все это, надо согласиться, является, именно, только коррективомъ въ нашемъ смыслѣ.

Чтобы создался нѣкоторый психологическій моментъ охватывающій цѣликомъ социально-хозяйственную жизнь той или другой территоріи; чтобы создалось нѣкоторое общее пониманіе производственныхъ интересовъ всего населенія этой территоріи,—пониманіе, которое открыло бы просторъ взаимному распредѣленію хозяйственной дѣятельности его, раздѣленію труда, сложенію въ цѣльную соціально-хозяйственную единицу,— необходимо непосредственное совмѣстное переживаніе извѣстнаго момента всѣми субъектами хозяйства данной территоріи, а таковое переживаніе можетъ создаться только сосредоточеніемъ соотвѣтствующихъ элементовъ въ извѣстное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, т. е. въ организованномъ общемъ собраніи...

Разъ мы согласимся, что тѣ или другія переживанія такъ или иначе отражаются въ нашей жизнедѣятельности, то нельзя отрицать такого значенія и переживаній, создаваемыхъ обстановкой сконцентрированной общественной жизни данной территоріи.

Часто мы понимаемъ человѣка, не говоря даже съ нимъ ни одного слова; общее внѣшнее впечатлѣніе, оставленное имъ, часто даетъ намъ больше, чѣмъ то, что онъ скажетъ о себѣ. Это тѣмъ болѣе ясно, если въ человѣкѣ мы видимъ представителя не только того или иного мнѣнія, а представителя той или другой жизни, запечатлѣвшейся во всѣхъ фибрахъ его суще-

ства. Вращаясь обыкновенно въ той или другой общественной обстановкѣ, субъектъ въ ней, такъ сказать, слагается и соотвѣтственно этому проявляетъ себя. Но для того, чтобы изъ него вышелъ не членъ только случайной обстановки, а элементъ единаго соціальнаго организма, т. е. человѣкъ,—который могъ бы охватить совокупность общественныхъ отношеній, проникнуться ими, понять ихъ (въ глубокомъ смыслѣ этого слова) и, такимъ образомъ, противопоставить имъ свое личное „я",—ему необходимо пережить эту совокупность во всей многоцвѣтной ея полнотѣ. „Одинъ и тотъ же индивидуумъ,—говоритъ Л. Уордъ [1]),—воспитанный въ одной средѣ, имѣлъ бы совсѣмъ не такія желанія, если бы онъ былъ воспитанъ въ другой средѣ. Въ этомъ заключается самый вѣскій доводъ въ пользу созданія надлежащей соціальной среды. Желанія и обусловливаемое ими поведеніе людей зависитъ отъ ихъ понятій, т. е. отъ ихъ мнѣній и вѣрованій, которыя въ свою очередь зависятъ отъ воспитанія, въ широкомъ смыслѣ этого слова".

Иллюстрируемъ отчасти свою мысль. Предположимъ, мы встрѣтились съ человѣкомъ, который заинтересовалъ насъ. Такъ или иначе, у насъ сложилось о немъ нѣкоторое общее представленіе. Анализируя въ отдѣльномъ частномъ случаѣ какой-нибудь поступокъ его или иного лица, мы говоримъ: „да, это поступокъ въ его духѣ". То есть общее впечатлѣніе, идеальное представленіе мы какъ-то, незамѣтно даже для себя, связыва-

---

[1]) Лестеръ Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи.

емъ съ даннымъ частнымъ случаемъ; общимъ отвлеченнымъ представленіемъ освѣщаемъ частное конкретное явленіе, находя для послѣдняго мѣсто въ первомъ.

Такимъ же образомъ, то общее содержаніе народнаго, что-ли, собранія, выливающееся въ идеальной формулѣ; то отвлеченное представленіе о жизни всей страны, которое получается здѣсь,—освѣщаетъ отдѣльное явленіе въ индивидуальной жизни каждаго; и мы можемъ, въ связи съ этимъ, заключать о томъ, что соотвѣтствуетъ извѣстному моменту жизни данной страны, а что нѣтъ; заключать не какъ теоретики только, а какъ непосредственные участники.

Просторъ для взаимнаго распредѣленія хозяйственной дѣятельности населенія открытъ. Ростъ раздѣленія труда идетъ дальше. Индивидуальный трудъ выпускаетъ продуктъ только опредѣленнаго сортимента, сосредоточивается только на ограниченныхъ качественно функціяхъ. Это освобождаетъ остальныя качественныя проявленія индивида на созданіе технической обстановки труда, обусловливаетъ внѣдреніе въ соціально-хозяйственную жизнь человѣка все болѣе и болѣе сложной машины.

Но если на пути расширенія соціальной психологіи, на пути роста взаимнаго пониманія человѣка становятся непреодолимыя внѣшнія преграды, вродѣ кастовыхъ граней или граней ойкоса,—развитіе соціально-хозяйственной жизни замираетъ, ростъ раздѣленія труда останавливается, и народъ сходитъ со сцены исторіи.

Обыкновенно роль народныхъ и представительныхъ собраній видятъ только во внѣшнемъ формальномъ

ихъ проявленіи и придаютъ имъ значеніе только сообразно вотируемымъ ими законоположеніямъ, проводимымъ въ жизнь исполнительной властью, опирающейся на силу. Это взглядъ юристовъ, для которыхъ учрежденія существуютъ только по-стольку, по-скольку они даютъ имъ позитивный матерьялъ положительнаго права—правовыя нормы, но онъ далеко не удовлетворяетъ соціолога. Представимъ себѣ идеальный строй, строго отвѣчающій вышеуказанному взгляду.— Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ изолированныхъ единицъ. Какой-то, вполнѣ безпристрастный центръ издаетъ безупречные, вполнѣ отвѣчающіе времени и мѣсту „законы". Каждому отдѣльному „гражданину" стоитъ только хорошенько проштудировать „дѣйствующее" положительное право, и онъ, имѣя послѣднее ввиду, можетъ со спокойной совѣстью, гарантируемый „закономъ", вступать въ тѣ или другія общественныя отношенія; иначе противъ него сила всѣхъ штыковъ, всѣхъ земныхъ и небесныхъ громовъ. Правовѣды говорятъ, что они не отдѣляютъ людей отъ учрежденій разграничительной линіей, но въ ихъ пристрастіи къ положительному праву, какъ активному началу, этого не видно.

Здѣсь же коренятся всѣ споры о „большинствѣ" и „меньшинствѣ" и т. д. Многіе довольно послѣдовательные правовѣды, исходя изъ элементарнаго положенія, что законъ не долженъ служить личнымъ только или групповымъ интересамъ, что онъ долженъ стоять на нѣкоторой идеальной высотѣ, охватывать интересы всѣхъ и не быть узурпированъ интересами отдѣльной части общества,—заключаютъ отсюда, что въ идеалѣ

верховная законодательная власть не можетъ быть осуществлена самимъ народомъ, такъ какъ всякое, какое бы то ни было, собраніе рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ, т. е. всякое собраніе является носителемъ не верховной, общей всѣмъ идеи, а выразителемъ желаній большинства. Руссо когда-то на это отвѣчалъ, что „при подачѣ голосовъ у гражданъ спрашиваютъ не объ ихъ личномъ мнѣніи, а о содержаніи общей воли. Подавая свое мнѣніе, они выражаютъ лишь предположеніе, что общая воля такова, какъ имъ кажется. Если большинство будетъ на другой сторонѣ, то они, слѣдовательно, ошиблись относительно содержанія общей воли, и если, усмотрѣвъ свою ошибку, они соглашаются съ другимъ мнѣніемъ, то они сохраняютъ все-таки свою свободу“ [1]). Такой отвѣтъ, правду сказать, мало кого удовлетворилъ. Упомянутые выше изслѣдователи стоятъ какъ будто на строго теоретической почвѣ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Они просто возводятъ въ принципъ извѣстныя имъ явленія общественной жизни. Они упускаютъ изъ виду, что современныя, напримѣръ, парламентскія собранія представляютъ соединеніе чего-то до извѣстной степени несоединеннаго. (Это будетъ видно дальше). Они забываютъ, что „юридическій принципъ указываетъ на то, что должно быть (хотя можетъ и не быть. Н. К.); законъ—на то, что есть въ силу свойствъ человѣка, об-

---

[1]) Цитирую по П. И. Новгородцеву. Изъ лекцій по исторіи философіи права.

щества міра". [1]) Основная роль народныхъ и представительныхъ собраній, мы считаемъ, не роль органа „власти", опирающейся на силу оружія, а та же роль, какую играетъ храмъ, театръ, аудиторія... Здѣсь власть иная... Вопросъ только въ томъ, противополагается ли ей какая-либо другая, внѣ ея стоящая власть.

IV.

Возвратимся теперь къ конкретной исторіи Европы. Когда здѣсь господствовало еще домашнее хозяйство, которое только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соприкосалось съ общиной,—органомъ соціально-хозяйственнаго единенія являлось общинное собраніе. Вся страна, мы видѣли, была покрыта въ это время мелкими изолированными, замкнутыми общинами и хозяйствами отдѣльныхъ привилегированныхъ фамилій (князей, сеньеровъ и т. д.), основанными на крѣпостномъ трудѣ. Мы видѣли, что все это не находилось въ постоянной функціональной связи, а представляло скорѣе боевую сѣть на случай войны, бездѣйствующую въ мирное время. Соотвѣтственно такому положенію вещей и общинныя повинности тогда представляли не источникъ сборовъ королей и т. д., а являлись скорѣе только символомъ связи съ государствомъ.

Постепенно обмѣнъ и раздѣленіе труда выходитъ за предѣлы общины. Здѣсь, говорили мы, выступаютъ

---

[1]) Проф. С. Муромцевъ. Опредѣленіе и основы раздѣленія права.

на сцену странствующіе ремесленники. Отдѣльныя общины сначала въ лицѣ ихъ, а потомъ и непосредственно объединяются. Это—періодъ ярмарокъ, базаровъ.

Далѣе ремесла концентрируются въ опредѣленныхъ пунктахъ, создаются мѣстные посады, городки. Положеніе вещей измѣняется въ томъ смыслѣ, что сельское населеніе вынуждено теперь ѣздить за продуктами ремесленнаго труда въ эти городки, вмѣсто того чтобы приготовлять таковые продукты у себя дома при помощи странствующихъ мастеровъ. Мѣновая связь между земледѣльческимъ населеніемъ извѣстной территоріи и обслуживающими его ремесленниками, осѣвшими въ опредѣленныхъ пунктахъ,—остается пока непосредственною. Въ своихъ городахъ ремесленники группируются соотвѣтственно близости ремесла, которая первоначально совпадаетъ, можетъ быть, и съ близостью ихъ, какъ „земляковъ“,— группируются въ опредѣленные корпораціи, цехи. Это періодъ городского цехового строя хозяйства со всѣми специфическими его особенностями.

Позже, съ усложненіемъ ремесла, дифференціацией его, между производителями разныхъ категорій земледѣльческихъ и ремесленныхъ продуктовъ появляется самостоятельный посредникъ. Онъ беретъ на себя организацію сбыта продуктовъ и закупки матеріаловъ. Функціи цеховъ въ регулированіи соотвѣтствующихъ отношеній атрофируются, и прежніе ремесленники остаются сближенными только какъ производители, зависящіе отъ посредника, который съ

теченіемъ времени начинаетъ играть замѣтную роль и въ общей организаціи производства. Цеховой строй, такимъ образомъ, измѣняется въ мануфактурный.

Когда хозяйственно-мѣновая связь населенія только намѣчалась какъ окружная, областная,—именно, намѣчалась, но не оформилась еще окончательно,—на сцену выступили по собственному почину бездѣйствовавшіе прежде, въ смыслѣ общественнаго хозяйства, сеньеры, графы и т. д. Воспользовавшись этой намѣтившейся взаимно-хозяйственною связью жителей ихъ раіона, они провозгласили себя представителями таковой и мало-по-малу захватили въ свои руки до поры до времени власть верховныхъ „руководителей“ ея, захватили прямо и посредствомъ торговаго элемента, обложеніемъ послѣдняго всякаго рода налогами.

Между общинами, замкнутыми раньше, теперь протянулись связывающія ихъ нити взаимнаго обмѣна, а въ петляхъ этихъ нитей изъ хозяйствъ прежнихъ военачальниковъ развились какіе-то инородные тѣла, желвачки . . . . . . Но вотъ, эти желвачки начинаютъ вѣтвиться; ихъ тоненькія вѣточки незамѣтно свиваются съ протянувшимися между общинами нитями, проникаютъ вмѣстѣ съ послѣдними въ узелки, развѣтвляются здѣсь и идутъ все дальше, дальше . . . . . „Фогтъ начинаетъ, говоритъ Мауреръ, съ утвержденія выборовъ должностныхъ лицъ марки. Впослѣдствіи онъ сталъ ужъ назначать ихъ самъ или присоединять къ нимъ агента со стороны сеньера, который мало-по-малу

поглощаетъ ихъ собою... Во многихъ маркахъ право намѣстничества или фогтства преобразовалось въ территоріальное господство" [1]). Принципъ древнихъ, что завоеванная территорія принадлежитъ верховному вождю, часть которой онъ раздаетъ во владѣніе отдѣльныхъ военачальниковъ, быстро усваивается германскими князьями, сеньерами. Разница здѣсь только та, что у древнихъ вмѣстѣ съ территоріей въ собственность военачальниковъ отдавалось обыкновенно и покоренное населеніе, занимавшее эту территорію,—у германцевъ же значительная часть территоріи была занята и обрабатываема самими же германцами. Почему, начиная отъ короля и кончая фогтомъ, всѣ старались захватить въ свою частную собственность сначала только свободныя земли. Хотя, говоритъ Ганауеръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеньеры очень рано стали распоряжаться на правѣ полной частной собственности также и землею и трудомъ крестьянъ. „Въ XI ст. графы Гану распоряжались уже полнѣйшимъ верховенствомъ надъ нашею маркою. Лѣсъ и общинныя земли оставались еще за членами общины, но сеньеръ пользовался на этихъ земляхъ привилегіею охоты... Штрафы шли уже исключительно въ пользу сеньера... Повинности всякаго рода увеличились въ числѣ и стали взиматься подъ тысячею различныхъ видовъ... Были введены барщина охотничья, барщина провинціальная и другія барщины . . . . Лошадь, отдаваемая въ ссуду императору, преобразовалась въ конную повинность. Стали

---

[1]) Цитирую по Н. И. Зиберу. Собраніе сочиненій.

взимать акцизы, генеральные и другіе налоги, о которыхъ прежде не было и помину, и даже сдѣлана была попытка установить родъ крѣпостничества“ [1]). Одновременно съ этимъ „территоріальные владѣльцы захватываютъ въ свои руки исключительныя права на производство извѣстныхъ промысловъ и на отдѣльныя отрасли торговли“ [2]).

Основанныя на крѣпостномъ трудѣ отдѣльныя владѣльческія хозяйства разростались, накопляли богатства (сначала въ видѣ запасовъ натурою), собирали около себя все больше и больше всякаго рода приближенныхъ, челяди, изъ которыхъ постепенно формировали и вооруженныя дружины. „Всѣ потребности вассаловъ,—говоритъ М. Н. Соболевъ [3]),—удовлетворялись внутри ихъ собственныхъ хозяйствъ барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ и ихъ натуральными повинностями; господинъ находилъ средства даже для удовлетворенія болѣе утонченныхъ потребностей, напримѣръ, въ крупныхъ помѣстьяхъ встрѣчались художники, пѣвцы, музыканты, набранные изъ подвластныхъ лицъ... Феодалы имѣли въ своихъ помѣстьяхъ массу спеціалистовъ—ремесленниковъ, которые выполняли всѣ нужныя для господскаго дома работы“. Теперь, мы видимъ, эти господскія хозяйства пустили вѣтви по всей окружной территоріи, стремятся захватить всю областъ въ свои руки, включая сюда и мѣстные города, стремятся сковать ее своею властью.

---

1) Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій.

2) Проф. И. И. Янжулъ. Основныя начала финансовой науки.

3) М. Н. Соболевъ. Очерки изъ исторіи всемірной торговли.

Сходство описываемой нами эпохи жизни Европы съ Римомъ времени республики, съ эпохой формированія въ Италіи ойкоснаго хозяйства—бросается въ глаза. Дѣйствительно, къ концу эпохи оно же обнаруживается возрожденіемъ—въ искусствѣ, повсемѣстнымъ проникновеніемъ римскаго права [1]) и т. д.

Впрочемъ, сходство это не идетъ далеко, не идетъ потому что въ основаніи господства соотвѣтствующихъ формъ организаціи лежатъ разные мотивы. Въ то время,—какъ ойкосная организація Италіи обусловливалась, мы видѣли, соотвѣтствующей международной ролью Рима,—феодальный строй являлся строемъ промежуточной эпохи жизни Европы и покоился на недостаточномъ еще развитіи народнаго ея хозяйства. Вліяніе внѣшняго международнаго момента на внутреннюю хозяйственную жизнь европейскихъ народовъ въ это время почти еще не чувствовалось,—ихъ хозяйственная жизнь слагалась еще самостоятельно, независимо отъ международной жизни, и только позднѣе сказалась повелѣвающая роль послѣдней,—сказалась полнымъ переворотомъ хозяйства.

Пока мѣстные города еще только зарождались; пока по своему устройству, быту, хозяйственной жизни и т. д. они мало еще чѣмъ отличались отъ деревни; пока раздѣленіе труда шло еще недалеко, и внутренняя

[1]) О послѣднемъ смотри, напримѣръ, у І. Янсена: „Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи".

взаимно-мѣновая связь массъ только отчасти охватывала отдѣльныя области, т. е. развитіе соціально-хозяйственной жизни не выходило еще за предѣлы этихъ областей,—власть отдѣльныхъ вассаловъ росла и не встрѣчала себѣ замѣтнаго противодѣйствія со стороны центральной власти, а положеніе свободнаго населенія все ближе и ближе походило на крѣпостное состояніе. Но когда мѣновыя сношенія вышли за границы отдѣльныхъ вассальныхъ владѣній, когда народно-хозяйственная связь пошла дальше и начала постепенно намѣчаться, какъ охватывающая все населеніе данной страны, — тогда на сцену выступила центральная — королевская или императорская власть. Дальше больше, замѣтнѣе и замѣтнѣе чувствуется антогонизмъ центральной и областной власти,—начинается борьба королей съ феодалами, заполняющая цѣлую эпоху исторической жизни Западной Европы.

Если эпоха господства феодализма характеризуется личнымъ и имущественнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ феодалами, экспропріаціей послѣдними большинства земель, захватомъ ими въ свои руки всѣхъ нитей промышленнаго развитія, полнѣйшимъ закабаленіемъ населенія,—то эпоху усиленія центральной власти можно характеризовать какъ эпоху постепеннаго освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости феодаламъ, постепеннаго утвержденія самостоятельности мѣстныхъ городовъ, пріобрѣтенія политическихъ вольностей коммунами. Въ этотъ періодъ появляются среди ученыхъ правовѣдовъ убѣжденные защитники крѣпкой центральной власти (напримѣръ, Макіавелли и др.), которые въ ней только

и видятъ спасеніе страны отъ феодальнаго разгрома. Односторонность ихъ заключалась въ томъ, что подъ внѣшнимъ покровомъ, подъ обломками рушащихся учрежденій, они не видѣли живой струи, текущей непрерывно, невидимо берущей власть у однихъ и временно позволяющей захватить ее другимъ.

Мы уже упомянули выше, что мѣстные города въ началѣ своего возникновенія мало чѣмъ отличались отъ деревни. Разрывъ связи съ натуральнымъ хозяйствомъ идетъ тѣмъ дальше, чѣмъ меньше продуктовъ собственнаго потребленія приготовляется у себя дома. Сельско-хозяйственное производство,—при незначительныхъ размѣрахъ хозяйства, позволяющихъ производить иногда только такое количество продуктовъ, которое еле можетъ удовлетворить личныя потребности производителя,—будетъ, конечно, долгое время едва задѣто связью мѣновыхъ отношеній со всею хозяйственной жизнью страны. Только тогда, „разъ идетъ рѣчь о производствѣ для рынка, а не для личнаго потребленія, требованія рынка являются повелѣвающими для хозяина“ [1]). Крестьянское хозяйство въ чистомъ своемъ видѣ (т. е. производящее продукты главнымъ образомъ для своего потребленія) болѣе поэтому консервативно, чѣмъ мелкія хозяйства обрабатывающей промышленности (ремесла), и оно значительно отстаетъ отъ нихъ въ смыслѣ прогресса техники.

Поэтому то мѣстные города, близкіе первоначально во всѣхъ отношеніяхъ деревнѣ, быстро оставивъ ее поза-

---

[1]) Проф. А. И. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія.

ди себя, вошли въ болѣе тѣсную связь между собою и съ крупными владѣльческими хозяйствами, доставлявшими имъ продукты земледѣлія. Но эта связь—уже чисто торговая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такая же связь тѣхъ и другихъ устанавливается и съ приморскими городами, ведущими международную торговлю,—городами, о которыхъ мы въ свое время сказали нѣсколько словъ. Чѣмъ дальше расцвѣтала промышленность, тѣмъ ближе чувствовали города эту связь между собою, тѣмъ больше общаго имѣли они, какъ члены хозяйственной системы всей данной страны, тѣмъ меньше мѣста оставляли они прежней опекѣ надъ собой отдѣльнымъ феодаламъ и подпадали, въ извѣстной мѣрѣ, подъ власть центральнаго правительства. „Переходъ отъ городской системы къ народной часто упускается изъ виду, при разсмотрѣніи современныхъ политическихъ измѣненій и забывается, что центральная монархія была лишь внѣшнимъ выраженіемъ въ политической сферѣ побѣды новыхъ экономическихъ силъ..... Путемъ союзовъ съ королемъ, города нанесли смертельный ударъ феодализму“ [1]).

Взамѣнъ мѣстной регламентаціи труда и промышленности феодалами, короли дѣлаютъ теперь попытки установить регламентацію общую для всей страны. „Уже со второй половины XV столѣтія замѣчаемъ мы здѣсь (Германія) различные признаки болѣе тѣснаго хозяйственнаго сплоченія: созданіе единой монетной системы для страны взамѣнъ многихъ городскихъ, изданіе

---

[1]) А. Веберъ. Ростъ городовъ въ 19-мъ столѣтіи.

земскихъ уставовъ по вопросамъ торговли, промышленности, лѣсного, горнаго дѣла, охоты, рыболовства, постепенное возникновеніе княжескихъ привилегій и концессій, изданіе земскаго права" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ промышленный классъ фактически пріобрѣтаетъ господство въ управленіи городовъ. Юристы этого времени проповѣдуютъ, что „верховная власть должна быть едина и недѣлима; она не можетъ допускать никакихъ органовъ, которые стояли бы подъ нею или рядомъ съ нею" (Боденъ) [2]). „Почти повсюду организуется сильная королевская власть, борющаяся и сокрушающая феодализмъ; власть эта постепенно усиливается и стремится къ объединенію внутри и расширенію предѣловъ государственной территоріи" [3]). Такимъ образомъ, мало-по-малу общая „регулирующая роль переходитъ въ руки государственной власти, которая унаслѣдовала традиціи феодальныхъ владѣльцевъ, считавшихъ себя полновластными распорядителями всей хозяйственной жизни подвластныхъ" [4]). Но тогда какъ для феодаловъ въ свое время было не особенно трудно слѣдить за развѣтвляющейся и усложняющейся промышленной жизнью ихъ области и, приноравливаясь соотвѣтственно этому, сохранять за собою до поры до времени роль суверенной власти,—дѣла центральнаго правительства въ этомъ отношеніи, которому приходилось считаться

[1]) К. Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства.

[2]) Цитирую по П. И. Новгородцеву. Изъ лекцій по исторіи философіи права.

[3]) Вс. Даневскій. Система политическаго равновѣсія.

[4]) М. Н. Соболевъ. Очерки по исторіи всемірной торговли.

со всѣмъ разнообразіемъ всѣхъ оттѣнковъ жизни цѣлой страны, значительно усложнились. Въ связи съ таковымъ усложненіемъ растетъ, усложняется и механизмъ правительственной „опеки". Прежніе феодалы, примиряясь мало-по-малу съ измѣнившимся положеніемъ вещей, иногда только вспоминая о „добромъ старомъ времени", постепенно изъ антогонистовъ центральнаго правительства становятся его союзниками и помощниками, сначала съ сохраненіемъ за собою нѣкоторой авторитетности, а потомъ вырождаясь въ земельную бюрократію.

Этотъ періодъ жизни европейскихъ народовъ—періодъ полицейскаго государства. О Франціи этого времени Спенеръ [1]) говоритъ: „Вплоть до самой революціи Франція кишѣла чиновниками, отъ которыхъ зависѣло разрѣшать тѣ или другія занятія, предписывать тѣ или другіе промышленные процессы, изслѣдовать продукты и т. п.".

Данная эпоха имѣетъ сходство съ Римомъ времени имперіи. Теперь силою вещей осуществился глубоко проникновенный совѣтъ Мецената первому римскому императору, Августу: учредить государство не по образцу сатрапскаго деспотизма Востока, а въ видѣ военно-бюрократической монархіи съ опредѣленными окладами жалованья чиновникамъ [2]).

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основы соціологіи.

[2]) Родбертусъ. Изслѣдованіе въ области національной экономіи классической древности.

Но вступившіе послѣ паденія древняго міра на путь внутренняго соціальнаго развитія европейскіе народы въ данный періодъ неуклонно шли дальше впередъ по этому пути. Соціально-хозяйственное творчество человѣка доходитъ теперь до необычайнаго напряженія. Взаимо-мѣновая связь охватываетъ внутри цѣлыя государства. Ростъ раздѣленія труда достигаетъ неизвѣстнаго древнимъ размѣра, спеціализація ремеслъ въ мануфактурахъ—крайняго предѣла. Въ міръ соціально-хозяйственной жизни человѣка вступаетъ сложная машина.

Тогда какъ прежде научная мысль сосредоточивалась, говоритъ E. Hermann, [1]) на военной, военно-транспортной техникѣ, и изобрѣтателями являлись только выдающіеся умы,—теперь важныя, играющія колоссальную роль въ хозяйственной жизни изобрѣтенія принадлежатъ, нерѣдко, простому ремесленнику. Замѣтимъ, что въ той же работѣ E. Herrmann находитъ возможнымъ говорить, въ связи съ территоріальнымъ ростомъ раздѣленія труда. о „Haustechnik, Ortstechnik, Bezirkstechnik, Landstechnik и т. д.“ (т. е. домашней, мѣстной, окружной, областной техникѣ и т. д.).

„Правительства, бравшія на себя невозможныя для нихъ задачи благодѣтельствованія народа, создавшія такъ называемыя полицейскія государства, съ обширными полицейскими законоположеніями, мало-по-малу въ XIX столѣтіи пришли къ убѣжденію въ невыполнимо-

---

[1]) E. Herrmann. Technische Fragen und Probleme der modernen Volkswirthschaft.

сти такого призыва“ [1]). Отдѣльные народы Европы,—сложившись въ извѣстной мѣрѣ каждый внутри въ одну хозяйственную единицу, шагъ за шагомъ переходя въ этомъ отношенiи границы своей территорiи и вступая, такимъ образомъ, въ международно-хозяйственную жизнь,—поняли, что полное осуществленiе того соцiально-хозяйственнаго единства, которое необходимо, чтобы граждане ихъ сдѣлались членами одного соцiальнаго организма, не можетъ быть достигнуто, пока индивидуальныя отношенiя, регулируются только писаннымъ закономъ, поддерживаемымъ вооруженной силой; поняли, что для этого нужна нѣкоторая взаимность всѣхъ индивидуальныхъ переживанiй, объединенное сочетанiе ихъ, запечатлѣваемое не на бумагѣ, не въ видѣ даннаго только регламента, а въ субъективной жизни каждаго. Однимъ словомъ, въ связи съ хозяйственнымъ объединенiемъ страны въ одно цѣлое, въ каждой изъ нихъ создаются и центральные, такъ сказать, фокусы этого объединенiя: центральныя представительныя учрежденiя.

Стоитъ открыть первую попавшуюся на глаза книгу по вопросамъ, такъ или иначе связаннымъ съ вопросами современной общественно-экономической жизни; стоитъ немного присмотрѣться къ окружающему,—чтобы замѣтить, какъ рѣзко отражается всякое, часто незначительное, измѣненiе въ той или другой отрасли промышленности на общественно-хезяйственной жизни всей страны. Если, вмѣстѣ сь тѣмъ, мы представимъ

---

[1]) Проф. Н. Е. Андреевскiй. Полицейское право.

себѣ всю сложность, многоцвѣтность внутренней жизни какой-либо культурной страны; если вспомнимъ какія горы писанныхъ регламентовъ, уставовъ, кодесковъ... полицейскаго строя утратили совершенно свое значеніе съ возникновеніемъ центральныхъ представительныхъ учрежденій,—намъ, въ связи со всѣмъ раньше сказаннымъ, будетъ ясенъ глубокій внутренній смыслъ послѣднихъ, ихъ, такъ сказать, соціальный смыслъ.

V.

Нѣсколькими штрихами мы очертили уже раньше развитіе международнаго торговаго обмѣна, въ лицѣ того интернаціональнаго торговаго элемента, который,—разростаясь количественно и сосредоточивая у себя средства обмѣна,—слѣдовалъ за передвиженіемъ во времени и пространствѣ центра міровой цивилизаціи.

Мы видѣли, что, зародившись еще на Востокѣ, этотъ, такъ сказать, носитель международной торговли, органъ международнаго обмѣна,—торговые народы чрезъ города-государства западнаго побережья Азіи, задѣвъ Грецію, Кареагенъ и т. д., перешли въ Италію; своеобразно слагаясь здѣсь во времена республики, они ярко выкристаллизовались къ концу имперіи и въ дальнѣйшій періодъ,—выкристаллизовались созданіемъ самостоятельныхъ цвѣтущихъ, блещущихъ роскошью и богатствомъ городовъ: Генуи, Флоренціи, Венеціи... Съ распространеніемъ господства Рима на сѣверо-западъ, возникли въ свое время такого же характера города на другихъ приморскихъ окраинахъ Европы и при удобныхъ для судоходства рѣкахъ.

Хаотическое передвиженіе варваровъ, обратившихъ многіе города въ развалины, отразилось угнетающе на внѣшней торговлѣ Европы; но, какъ только волны передвиженія немного улеглись,—старые города быстро отстроились, возникли новые, и международная торговля Европы ускореннымъ темпомъ разрослась далеко за предѣлы прошлаго, разрослась особенно послѣ открытія Америки и морского пути въ Индію.

Говоря о развитіи хозяйственной жизни Европы, мы удѣлили нѣкоторое вниманіе мѣстнымъ городамъ, „Landstädte". Возникновеніе ихъ и роль мы связали непосредственно съ внутреннимъ ростомъ раздѣленія труда въ странѣ. Но совершенно иную почву имѣетъ для себя возникновеніе городовъ Европы, вошедшихъ потомъ въ Ганзейскій и Швабскій союзы. Какъ ихъ предки,—города Финикіи, Греціи, Карѳагенъ, Генуя, Флоренція, Венеція, Пиза и другіе,—они первоначально являлись какъ бы колоніями торговыхъ народовъ, интернаціональными центрами международнаго обмѣна.

Обособленные отъ непосредственной связи съ внутренней народно-хозяйственной жизнью страны, они въ первые моменты своего существованія служили только посредниками обмѣна тѣхъ богатствъ, которыя скоплялись у господствующихъ элементовъ того или другого народа. Подобно древнимъ, такіе города Европы и здѣсь являлись первое время промежуточными, этапными пунктами обмѣна между дворами королей, князей, вассальныхъ владѣльцевъ, этапными пунктами внутри страны и внѣ ея. „Иноземные купцы,—говоритъ Шмоллеръ,—были желанными гостями у царей и ари-

стократовъ, которымъ они доставляли продукты другихъ странъ, покупая вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ сырыя произведенія страны; но все остальное населеніе, которое ничего не покупало и мало что имѣло для продажи, относилось къ нимъ подозрительно, даже враждебно". [1]) Въ лицѣ этихъ городовъ какъ бы намѣтилось русло, по которому протекалъ взаимообмѣнъ богатствъ господствующихъ классовъ разныхъ странъ.

Политически они были на столько самостоятельны, что часто совершенно не считались съ центральной правительственной властью, а иногда дѣйствовали даже прямо ей вразрѣзъ. Такъ, во время войны Максимиліана I съ Венеціей, нѣкоторые торговые города Западной имперіи открыто помогаютъ Венеціи. [2]) Относительно центральнаго правительства они занимаютъ такое же положеніе, какъ отдѣльные вассальные владѣльцы.

Соотвѣтственно той роли, которую играетъ торговля этихъ городовъ, установилось и отношеніе къ ней финансистовъ среднихъ вѣковъ. Какъ у древнихъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей были предназначены рабы, группировавшіеся около знатныхъ фамилій, такъ и у европейцевъ источниками правительственнаго дохода считались долгое время только домены, обрабатываемые трудомъ крѣпостныхъ, свободные же въ началѣ, мы видѣли, не несли почти никакихъ налоговъ.

---

[1]) Schmoller. Gründriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. (Цитирую по I. М. Кулишеру).

[2]) I. Янсенъ. Экономич. правовое и политич. состояніе Германскаго народа наканунѣ реформаціи.

Финансисты XIII—XVI вѣковъ признаютъ за правительствомъ право только въ крайнихъ случаяхъ, въ интересахъ общаго блага, если не хватаетъ доменъ, прибѣгать къ налогамъ; но, одновременно съ доменами, они всѣ признаютъ законнымъ источникомъ доходовъ—сборы съ торговли. Называя финансы нервами государства, Жанъ Боденъ (XVI в.) говоритъ, что главнымъ источникомъ ихъ должны служить домены и сборы съ ввоза и вывоза; налоги же можно брать исключительно въ случаѣ крайности [1]). То есть доходы съ торговли финансистами соединялись въ одну категорію съ доходами отъ доменъ.

Международныя торговыя сношенія, о которыхъ мы теперь говоримъ, можно себѣ представить, если мысленно соединить линіей отдѣльныя доменныя хозяйства князей, графовъ и т. д. одной страны, потомъ продолжить эту линію чрезъ приморскіе города въ такія же хозяйства другой и т. д. Иногда, вмѣсто того чтобы получать предметы обмѣна въ хозяйствахъ вассаловъ, торговые люди брали просто у нихъ на откупа оброчные и другіе сборы съ крѣпостныхъ, а потомъ и со свободныхъ, ставшихъ почти крѣпостными.

Съ выступленіемъ на сцену исторіи новыхъ и новыхъ странъ, международная торговая связь,—охватывавшая прежде только народы Востока, включившая потомъ Европу,—расширялась дальше и дальше во всемірную. Представитель этой связи—торговый классъ,—сосредоточившій въ себѣ всѣ нити международнаго

---

[1]) Проф. Л. В. Ходскій. Основанія государственнаго хозяйства.

обмѣна, а потомъ взявшій въ свои руки и организацію производства продуктовъ, фигурирующихъ въ таковомъ обмѣнѣ,—занимаетъ все болѣе и болѣе преобладающее положеніе въ государственной жизни народовъ. Такъ, напримѣръ, уже въ началѣ XVII-го столѣтія Голландская Остъ-Индская компанія получаетъ хартію отъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ, дающую ей право объявлять войну восточнымъ владыкамъ, заключать съ ними миръ, строить форты и т. д. То же мы видимъ въ Португаліи, Франціи, Англіи,—т. е. прерогативы верховной власти государства фактически и даже юридически передаются, какъ бы, въ руки торговыхъ компаній.

Сложность международныхъ торговыхъ отношеній, трудность регулированія международнаго обмѣна вызвала къ жизни своеобразныя учрежденія. „Расширеніе и возраставшее осложненіе оптовой торговли,—говоритъ А. Беръ [1]),—многосложность и важность денежныхъ оборотовъ относительно внѣшней торговли, все это навело крупныхъ итальянскихъ банкировъ на учрежденія новаго рода... Для взаимныхъ переговоровъ и разсчетовъ они брали себѣ особое зданіе, служившее мѣстомъ общихъ собраній для окончательныхъ сдѣлокъ и, вслѣдствіе совершавшихся тамъ денежныхъ операцій, названныхъ биржею“. Биржи являлись реальными пунктами столкновеній торговыхъ интересовъ отдѣльныхъ народовъ, здѣсь опредѣлялись цѣны на тѣ или другіе предметы международнаго обмѣна, опредѣлялась соот-

---

[1]) А. Беръ. Исторія всемірной торговли.

вѣтствующая связь внутренней жизни каждой страны съ внутренней жизнью другихъ. Въ эти пункты являлись отдѣльныя лица—самостоятельные хозяева или представители интересовъ цѣлыхъ учрежденій. Но биржи это—учрежденія уже широкаго масштаба; первоначально такіе же интересы обслуживали просто торговыя конторы, факторіи.

По мѣрѣ роста той внутренней промышленно-мѣновой связи, которую разсматривали мы раньше, по мѣрѣ развитія городской жизни,—нити этой внутренней связи мало-по-малу сближаются съ нитью только что разсмотрѣнныхъ торговыхъ сношеній. Первыми этапными пунктами этого сближенія является вступленіе во внѣшнія сношенія мѣстныхъ внутреннихъ городовъ. Мѣстные города, центры ремесленнаго производства, какъ и крупныя земельныя хозяйства, сохраняя за собою извѣстную степень независимости, входятъ въ непосредственную мѣновую связь съ международными торговыми городами.

Эта связь имѣла рѣшающее значеніе въ смыслѣ организаціи мѣстнаго производства на иныхъ началахъ,—началахъ, отвѣчающихъ интересамъ международнаго торговаго обмѣна.

Классъ, господствующій въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ, классъ, сосредоточившій въ себѣ нити таковыхъ,—выступилъ теперь прямо или косвенно и организаторомъ мѣстнаго производства.

Мы говоримъ о періодѣ жизни Европы, характерезуемомъ, какъ періодъ проникновенія капитализма въ

на почвѣ внѣшнихъ торговыхъ сношеній отдѣльныхъ государствъ и прошедшими въ свою очередь путь, соотвѣтствующій развитію этихъ послѣднихъ,—отъ торговыхъ конторъ чрезъ биржи до центральныхъ представительныхъ учрежденій.

Каждая отрасль хозяйства страны становится теперь въ неразрывную связь съ хозяйствомъ всѣхъ странъ. „Благодаря тому, что въ каждой странѣ извѣстное количество даннаго продукта предназначается не для мѣстнаго потребленія, а прямо на вывозъ, образуется гиппертрофія данной отрасли производства. Съ другой стороны, цѣлая отрасль производства, продукты которой ввозятся извнѣ, совершенно атрофируется“ [1]).

Мы живемъ въ періодъ формированія великаго международнаго раздѣленія труда, формированія великаго международнаго хозяйства.

Разсмотрѣнія Индійской, Египетской, Римской и другихъ цивилизацій показало намъ, что форма государственной жизни народовъ опредѣляется соотвѣтствующимъ для того или иного періода моментомъ международныхъ отношеній. Государственная власть, мы видѣли, фактически сосредоточивается всегда въ рукахъ той группы (касты, класса), которая является ближайшимъ образомъ выразительницей внѣшняго государственно связывающаго народы момента.

Въ ближайшія къ намъ столѣтія жизни Европы, моментомъ, опредѣляющимъ международныя отношенія,

[1]) С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ.

является международный торговый обмѣнъ,—и государственная власть фактически находится въ рукахъ представителей торговаго, а потомъ и промышленнаго капитала; въ ихъ же фактическомъ распоряженіи находятся и военныя силы народовъ.

До тѣхъ поръ, пока существуютъ значительные народы, не сложившіеся еще внутри въ соціально-хозяйственное цѣлое; пока ростъ раздѣленія труда, внутренняя взаимо-производственная связь ихъ не выходитъ за границы собственной страны; пока регулятивная роль въ международномъ обмѣнѣ падаетъ соотвѣтственно этому только на опредѣленные классы,—форма государственности носитъ классовый характеръ, и организація производства—индивидуалистическій.

Но по мѣрѣ того, какъ послѣдніе народы выступаютъ сложившимися въ соціально-хозяйственное цѣлое, по мѣрѣ того, какъ международный обмѣнъ проникаетъ и въ ихъ нѣдра, охватываетъ и ихъ массы,—отдѣльные классы теряютъ подъ собою почву.

На сцену выступаютъ международныя представительныя учрежденія. Соціальная психологія личности расширяется за границы опредѣленной территоріи, охватываетъ жизнь всѣхъ странъ.

Формированіе международной хозяйственной жизни, международнаго производственнаго сложенія осуществляется чрезъ посредство носителей идейнаго единства человѣчества.

Царство капитала смѣняется послѣднимъ царствомъ—царствомъ „чистой мысли", уходящимъ въ безконечность.

СКЛАДЪ

при книгоиздательствѣ „ПРОМЕТЕЙ“;